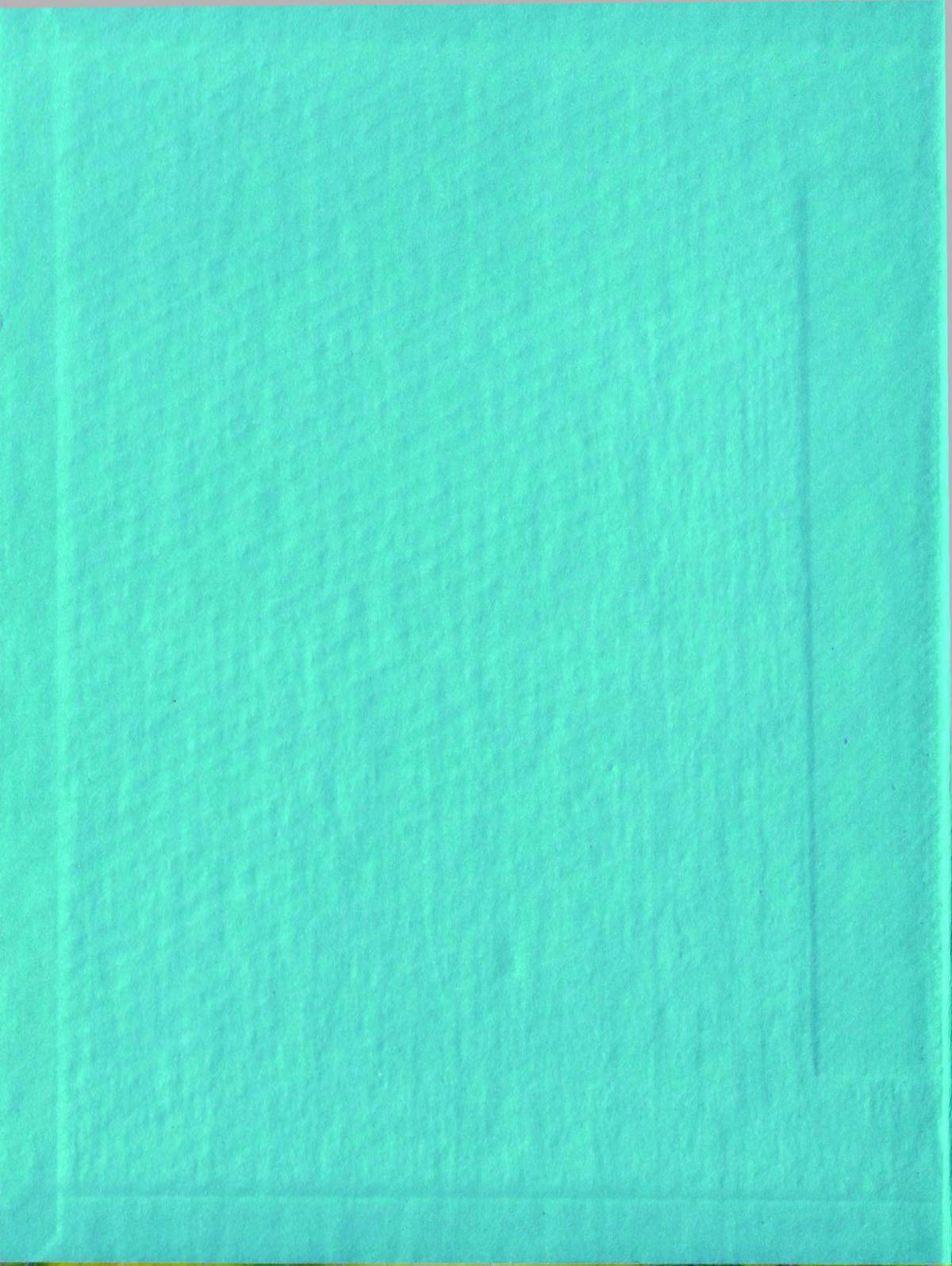

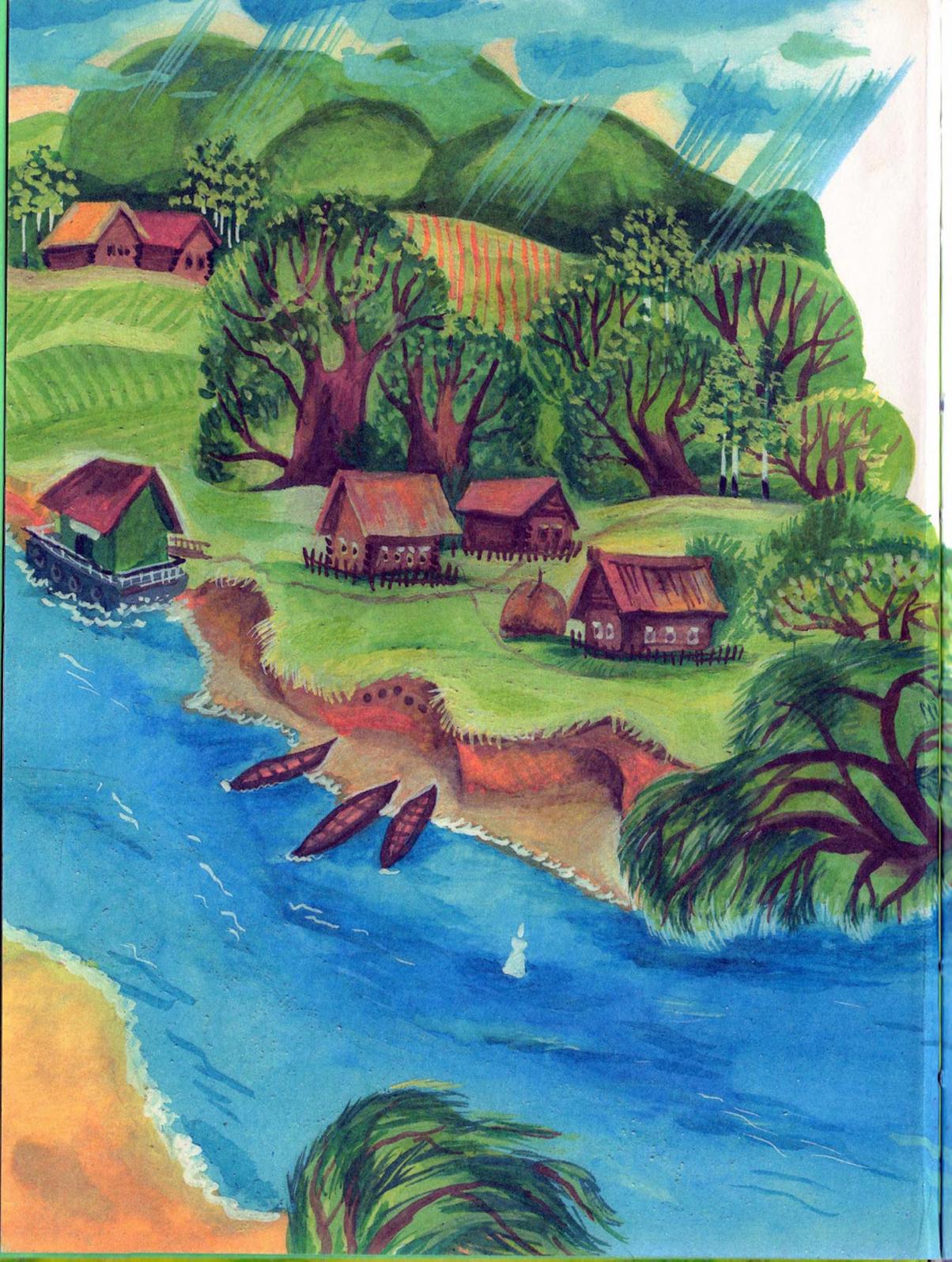
84(2=44.2)6
МА X 93

И. Христюлова

ТОПАЛО

Ирина Христолюбова

ТОПАЛО

ТАИНСТВЕННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Повесть-сказка

Художник Н. П. Кацпаржак

Пермь
2011

30 0196 20

Муниципальные библиотеки
Очерского района

Юный читатель!

У тебя в руках книга детской писательницы Ирины Петровны Христоролюбовой.

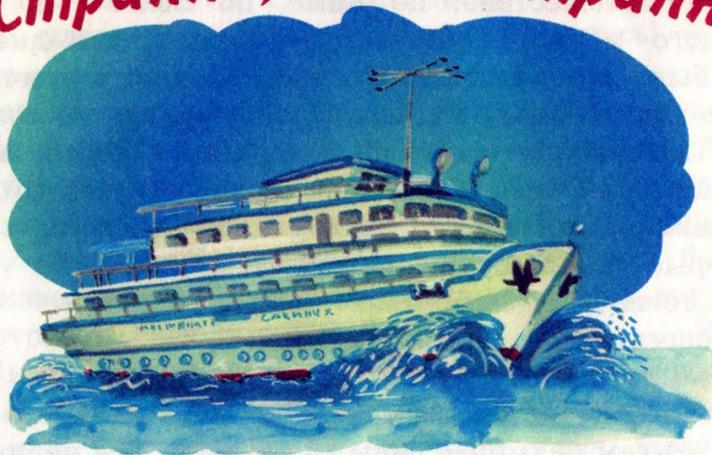
Автор этой книги родилась 25 октября 1938 года в с. Пижанка Кировской области. С 1963 года она живёт в Перми. В течение жизни Ирина Петровна побывала и корректором, и журналистом, и методистом, и редактором телевидения. Но главным делом жизни для неё стала детская литература.

Ирина Петровна написала несколько повестей для детей: «Загадочная личность», «Колокольчики мои», «Вася Кочкин, человек лет двенадцати», «Топало». Герои этих книг — мальчики и девочки, похожие на тебя, которые любят играть и фантазировать. В повести-сказке «Топало» ты познакомишься с домовым Топало, узнаешь о его путешествии на теплоходе, дружбе с ребятами Зойкой и Родькой, проказливым чертёнком Тришкой и ещё многими героями, о жизни и приключениях которых поведала нам талантливая писательница Ирина Христоролюбова.

Герои книг Ирины Петровны станут твоими друзьями, дорогой читатель. Ведь они так похожи на тебя — такие же добрые и весёлые.

*Книга издана по заказу Министерства образования
Пермского края*

Странно, очень странно

Пассажирский теплоход «Космонавт Савиных» отделился от причала, осторожно развернулся и тихо поплыл по реке.

Марш «Прощание славянки» торжественно-печально сопровождал его отплытие, словно он уходил не в город Астрахань, а в далёкий неведомый путь. Среди плачущих была и бабушка Родьки Мельникова.

— Да что вы так убиваетесь? — посочувствовал ей другой провожающий. — Навсегда, что ли, уезжают?

Бабушка Мельникова сурово взглянула на сочувствующего: не хочешь — не плачь, а я вот хочу — и плачу.

Кто хотел, тот и плакал. А на теплоходе плакать никто не думал, наоборот, все были очень весёлые, шумные.

Теплоход отходил от причала всё дальше и дальше.

— Мама, ты видишь бабушку? Папа, ты видишь бабушку? — спрашивал Родька.

Но бабушку уже никто не видел. И всё-таки Родька продолжал махать обеими руками, надеясь, что вдруг она-то его ещё видит.

В свои девять лет он первый раз ехал на теплоходе в большое путешествие: по Каме, по Волге — до самого Каспийского моря. Ровно через восемнадцать дней они должны были возвратиться обратно к родному причалу.

Теплоход проплыл под железнодорожным мостом. Уже бетонная набережная осталась в городской черте, а вдоль берега вытянули шеи башенные краны грузового порта.

Пассажиры постепенно расходились по своим каютам. А некоторые уже загорали на палубе.

— Я тоже хочу загорать, — сказал Родька.

— Успеешь ещё, — возразил папа.

— Ничего не успею, — захныкал он.

— Успеешь! — сказала мама.

— Я совсем белый! — заныл Родька. — Все чёрные, а я белый.

— Где ты видишь чёрных? — спросила мама. — Все вокруг белые!

Родьке в общем-то не очень хотелось загорать, но он привык всегда настаивать на своём. Ни за что не отстанет, пока не получит то, что просит. И мама сдалась.

Они вошли в каюту, чтоб взять одеяло и зонтик. Родька будет загорать, мама сидеть рядом под зонтом, а папа никуда не пойдёт и будет читать книгу. «Я затем и на теплоходе поехал, чтоб лежать и никуда не бегать», — сказал он.

Когда вошли в каюту, Родьке совсем расхотелось загорать. Он ведь, собственно, в каюте и не был, только вещи поставили. А здесь замечательно, целых две комнаты. Не что-нибудь, а люк!

Родька тут же заглянул в холодильник, проверил водопроводный кран, душ, даже зеркало потрогал — крепко висит!

Он прыгнул на диван и ещё раз подпрыгнул, как на батуте:

— Каюта-уютка, каюта-уютка! Ура!

— Переодевайся! — сказала мама.

— Не забывайте, что скоро обед, — сказал папа и, взяв книгу, улёгся на диван. — Не заблудитесь! — предупредил он.

Родька рассмеялся: где тут можно заблудиться?

Но когда они с мамой пошли по длинному узкому коридору с множеством дверей, потом спустились по лестнице вниз, а внизу были такие же двери и коридоры, Родька понял, что заблудиться можно запросто. Здесь было столько неизвестного! Ему захотелось немедленно всё облазить, всё потрогать, всюду заглянуть.

Мимо них прошла девочка такого же возраста, как Родька. Девочка как девочка: белые волосы, носик остренький, как у лисички. Только одета она была смешно: в жёлтом ситцевом сарафанчике и в то же время в ботинках и чулках.

— Вот умора! — фыркнул Родька.

Мама тоже удивилась: июль, такая жара, а тут чулки и ботинки.

— Ещё бы валенки надела! — рассмеялся Родька.

Девочка оглянулась и показала ему язык.

И тут, прямо у него над ухом, промяукала кошка: «Мя-яу! Мя-яу!» Конечно, ничего удивительного нет, когда мяукают кошки. Но у Родьки округлились глаза. Он сделал такое отчаянное движение, как будто хотел кошку сбросить с головы. Само собой, никакой кошки у него на голове не было.

Мама шла впереди и не видела этой странной картины.

Родька огляделся. Может быть, кошка подпрыгнула, мяукнула и спряталась? Хотя он никогда не видел кошек, которые бы так высоко прыгали.

— Мама! — крикнул он.

— Чего ты кричишь?

— Ты не видела здесь кошку?

— Какую ещё кошку?

— Не... не знаю какую... Наверное, чёрную.

— На кораблях бывают кошки. Может быть, и здесь есть. Но я не видела. А зачем тебе кошка?

— Она мяукнула...

Родька хотел было рассказать, как она мяукнула, но они вышли на палубу. У борта стоял полноватый мужчина в белом джинсовом костюме и белой кепочке. Он грыз семечки и бросал скорлупу в воду.

— Загорать идёте? — спросил он. — Так это на шлюпочной палубе. Первый раз, наверное, на теплоходе едете?

— Первый, — ответила мама.

— Пойдём, — потянул её Родька. Он-то знал: мама с каждым может разговориться, и надо стоять и ждать, когда она кончит разговор. Даже на улице, с прохожими, и то умудряется познакомиться и поговорить.

— О чём ты можешь говорить с прохожими? — всегда удивляется папа.

— Я просто контактная, — обычно отвечала мама. — В наш век это необходимо.

— Мальчишка-то ваш занятный, — сказал мужчина, который, видимо, тоже был контактный. — Занятный мальчишка! А тигра на футболке зачем носишь?

— Низачем! — буркнул Родька.

— Занятный мальчишка!

— Мы пойдём, — извиняющимся голосом сказала мама.

— Идите, идите, отчего же не идти, — разрешил мужчина. — Врачи советуют первый раз загорать не более пяти минут. Может произойти солнечный удар!

— Не более, не более, — проворчал Родька, когда они пошли. — Разговариваешь со всеми.

— Почему я не должна разговаривать? Может быть, он очень одинокий человек. Видишь — стоит совершенно один. Поэтому он и любит теплоход, здесь много людей.

— В поезде ещё больше.

— Поезд — это совершенно не то! В поезде все спешат, ждут свою станцию. Поезд — это просто-напросто переезд с места на место. А на теплоходе стараются устроиться уютно, надолго.

Родька был вполне согласен с мамой, а скорее всего с папой, потому что дома именно папа всячески превозносил теплоход и ругал поезд, а мама, наоборот, рвалась куда-то быстрее уехать, даже улететь. Сейчас она уже лететь никуда не хотела.

На шлюпочной палубе было многолюдно, как на пляже. Все сидели и лежали на деревянных лежаках.

— Ага-а! Все лежаки заняты! Говорил, раньше надо идти!

Но тут же нашёлся лежак.

— Ты страшный придира, — сказала мама. — Всё тебе неладно, идёшь, ворчишь. Какая тебя муха укусила?

— Никакая не муха!

Родька бросил на лежак одеяло, лёг на живот и отвернулся. «Муха, муха! — думал он. — Пусть бы кусала, нужно-то очень. А вот если над ухом мяукает...»

Мама села под зонтик и стала любоваться картиной природы. Светит солнце, блестит вода, летают чайки!

А Родька лежал и думал про своё: «Если это мяукнула кошка, то куда она делась? А кроме кошек, кто ещё мяукает? Никто! Странно, очень странно!»

Солнце так припекало, что Родька тут же покрылся потом. Тоже занятие — лежи и лежи. Кругом вода, а искупаться негде.

— Папа без нас уже, наверное, скучает, — очень кстати сказала мама.

Но папа не скучал. Когда они вернулись в каюту, он спал с книгой в руке. Мама его тут же разбудила.

Папа протёр глаза, потянулся.

— Мне даже сон приснился, — сказал он. — Любопытный сон! Цветной!

Папе никогда цветные сны не снились, даже чёрно-белые редко, он их просто не помнил. Поэтому сейчас он и потирал удивлённо затылок.

— А приснился мне кот, рыжий, с рваным ухом, зелёными глазами. Представьте себе такую картину: сижу я в своём кабинете, он заходит и говорит: «Здравствуйте, философ Мельников!» Я ничуть не удивился, что он человеческим голосом разговаривает. Кот подаёт мне лапу: «Будем знакомы: Филимон!» Я пожал ему лапу, будто так и полагается. Но при этом всё-таки мелькает у меня где-то отдалённо, в какой-то клетке мозга, мысль, что, возможно, это сон. А кот мне и говорит: «Философ, а снов не видишь. Живёшь, ничего не знаешь!» — И прыг на стол. Сел на мою рукопись и сидит, зелёные глаза щурит. Я говорю: «Пересядьте, пожалуйста, вот сюда!» — И рукопись из-под него пытаюсь вытащить. А он не замечает моих усилий. Спрашивает: «Чего это у тебя бумаг-то столько лежит?» — «Да вот, — говорю, — пишу статью «Человек — преобразователь природы».

Мама рассмеялась:

— Ты её так и не дописал, вот тебе и приснилось.

— Ну а кот что? — нетерпеливо спросил Родька.

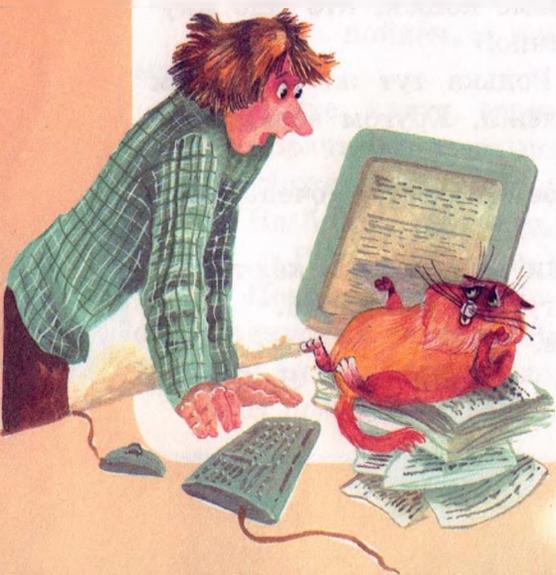
— А кот разлёгся на столе и заявил: «Я тоже преобразователь!» Тут вы пришли, я проснулся, и наш содержательный диалог прервался.

— А кот не мяукал? — настороженно спросил Родька.

— Я мяукал! — пошутил папа. — А кот говорил.

— Тебе вредно спать днём! — сказала мама.

Ни мама, ни папа, ни Родька не знали и знать не могли, что с этого дня мно-

гим на теплоходе «Космонавт Савиных» начнут сниться странные сны.

— А когда мы шли с мамой загорать, мне кто-то на ухо мякнул! — возбуждённо прошептал Родька.

— Ну, это был Филимон! — весело сказал папа.

Мама тоже на этот счёт повеселилась и сказала, что у них обоих котомания.

Странности продолжают

В ресторане, куда семья Мельниковых пришла обедать, было уже много народу. Мама увидела за столиком того самого мужчину, который говорил «занятный мальчишка», и тут же помахала ему рукой. Мужчина так заулыбался, как будто это был самый приятный подарок в его жизни. Папа окинул взглядом зал и обречённо подумал, что через три дня все станут друзьями его семьи.

К Мельниковым подошла официантка, посмотрела, куда бы их посадить.

— Идите, идите к нам! — позвал мужчина.

— Садитесь вместе со своими знакомыми, — сказала официантка. — Это будет ваше постоянное место.

Кроме «знакового», за столом сидела ещё и «знаковая» — та самая девочка, которая ходила в чулках и ботинках. Родька скривился: не хватало ещё с какой-то девчонкой вместе обедать.

Рядом с девочкой сидела молодая женщина. Такая же белая и с таким же острым носиком. «Это её мать, а это её отец», — подумал Родька.

— У нас будет приятная компания, — радостно сказал мужчина и подставил маме стул. — Очень важно найти в отпуске приятную компанию.

Родьке пришлось сесть рядом с девчонкой. Ну и пусть, очень она ему нужна. Сидит, носом вертит. Может быть, забыла, что утром ему язык показывала? Он-то не забыл. И Родька независимо положил руки на стол, как будто весь стол принадлежал только ему.

— Сядь прилично, — сказала мама.

— Я и в школе так сижу! — Он ещё шире раздвинул локти.

Мама нахмурилась.

Но на Родьку «нашло». Он чувствовал, что ни за что не уберёт руки со стола, хотя понимал, что надо убрать. Все молча смотрели на него. Все осуждали. Ему хотелось убежать, но он сидел, вцепившись в скатерть, и его можно было унести отсюда только вместе со столом.

— Занятный мальчишка! — произнёс мужчина.

— Ох, я бы своей уже давно подзатыльника дала! — сказала женщина.

— И он получит, — сказала мама, хотя Родька подзатыльников никогда не получал, разве что понарошке.

Девчонка хитро хихикнула.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал папа.

Пришла официантка. Тут бы самый подходящий момент убрать руки со стола, но Родька сидел не двигаясь.

И вдруг его КТО-ТО ущипнул. Он подпрыгнул, оглянулся. За столом засмеялись.

— Что с тобой сегодня? — спросила мама.

— А чего она щиплетя?! — разозлился Родька.

Девчонка подставила ладошку ко рту и опять хихикнула.

— Я и не думала щипаться! Мы с тобой даже не познакомились, чего это я буду тебя щипать?

И правда: девчонка сидела слева, а его ущипнули справа. Не официантка же! Когда ей щипаться, она тарелки расставляет. Может быть, какое-нибудь насекомое прилетело, укусило и улетело?

Папа в ответ на всё это происшествие хмыкнул и налёг на салат. Его как-то не очень взволновало неприличное поведение сына. «Воображает перед девчонкой», — подумал он, вспомнив себя мальчишкой. Управившись с супом, папа принялся за бифштекс, всячески расхваливая его. Вообще-то он всё время собирался сесть на диету, потому что считал, что полезно жить впроголодь.

Но эта мысль всегда приходила ему после обеда. И тут, съев бифштекс, папа сказал:

— Нужно употреблять только растительную пищу. Кроме витаминов, в ней присутствует солнечная энергия.

— Вам хорошо, — сказал сосед несколько обиженным тоном. — У вас уши большие.

— При чём тут уши? — опешил папа. Да и не только папа.

— Как при чём? У кого большие уши, те имеют тяготение к растительной пище, а у кого маленькие, — он показал своё миниатюрное ушко, — извините, без мяса обойтись не могут!

Папа осторожно пощупал своё ухо: большое, как у слона. Наверное, ему вообще не нужно было есть бифштекс. Все начали щупать свои уши. Родька ухом был в папу. Но мясо он любил. Что ему сейчас — уши менять?

— Всё это ненаучно, — сказал папа.

Сосед развёл руками: дескать, хотите верьте, хотите нет, но это так.

Обстановка за столом разрядилась.

— Пора и познакомиться! — сказала мама.

Папа вежливо представил соседям всю свою семью: вот он, Борис Николаевич Мельников, скромный философ, преподаёт в институте; его любимая жена Марина Викторовна, конструктор, изобрела робота Яшу; вот их дорогой сын Родька, отличник учёбы, будущий математик. Да, да, учится в специальной математической школе, перешёл в четвёртый класс.

Соседи смотрели на семью Мельниковых с большим уважением.

— Я тоже в четвёртый перешла, — сказала девочка. — Меня Зойка Капелькина зовут. А мою маму — Валя Капелькина. Ещё у нас в деревне есть бабушка Дуся Капелькина. Мы все Капелькины.

— Какая смешная фамилия, — улыбнулся Родька.

— Ничего смешного, — заметил папа.

— А моя фамилия Федулин, — представился мужчина. — Еду в одиночестве, без сопровождающих, — пошутил он.

«Значит, это не её папа!» — Родька почему-то был доволен. И то, что Федулин никакая даже не родня Зойке Капелькиной, тоже было хорошо. Хотя чего хорошего? Вполне Федулин мог быть родней, ведь если не Зойке, то всё равно он кому-то родня.

— А зовут меня Павел Михайлович! — добавил Федулин.

— А почему вы один? — спросила Зойка.

Мама-Капелькина на неё шикнула:

— Не твоё дело!

— Секретов нет, — улыбнулся Федулин. — Люблю природу, реку, восходы, закаты! А вся моя семья мчится на

юг, к морю! Тысячи людей трясутся в поездах, летят, рискуя жизнью, в самолётах, — и все туда, на южное побережье, к Чёрному морю. Скажите — зачем? Зачем, я вас спрашиваю?

Все молчали, словно боялись ответить на вопрос Федулина неправильно.

— Вот так-то! — сказал Федулин и встал. Он улыбнулся, всем пожелал приятно провести время и удалился.

— Хорошо, что мы к морю не поехали, — испуганно сказала Зойка. — Что бы там делали?

Родька ухмыльнулся: понятно — моря никогда не видела, а он уже сто раз к морю ездил. Ну, не сто, а два.

Стрекоза из деревни Кутузы

На палубе папа сразу же нашёл деревянное кресло и с удовольствием в нём развалился. А мама-Мельникова и мама-Капелькина стали прогуливаться туда-сюда и оживлённо беседовать. Разговор у них был необычайно интересный: мама-Мельникова рассказывала о своём сыне Родионе, а мама-Капелькина — о своей дочери Зое.

А дети между тем стояли у борта и, привстав на цыпочки, смотрели в воду.

Она кипела внизу белой пеной.

— Ты чего такой поперечный? — спросила Зойка. — За столом, как барин, уселся. Моя бабушка показала бы тебе!

— У меня своя бабушка! Таких бабушек вообще ни у кого нет!

— Каких таких?

— А вот таких!

— Ну каких?

— А вот таких! Она занимается бегом и стала чемпионкой в кроссе!

— Каким бегом? — поразилась Зойка.

— Обыкновенным. Оздоровительным.

— А куда она бежит?

— Никуда. От старта до финиша.

Зойка даже рот открыла. Её бабушка Дуся тоже всё время куда-то бегаёт, торопится, но чемпионкой ни разу не была.

— А ты почему утром в чулках и ботинках ходила? — насмешливо спросил Родька.

— Мы с мамой из деревни рано выехали, в пять утра, холодно было. — Зойка поболтала ногой, показывая, что сейчас-то на ней босоножки.

— Так ты деревенская! — Родька почувствовал перед Зойкой полное превосходство. — Может, ты и в городе не бывала? — снисходительно спросил он.

— А чего мне в нём бывать? Очень нужно, — сказала Зойка.

— Правда, не бывала? — уже заинтересовался Родька.

— Очень нужно, — снова сказала Зойка.

Родька не мог понять: то ли она говорит серьёзно, то ли смеётся над ним. Вредная девчонка! Ему тут же захотелось что-нибудь такое сказать, чтоб Зойка сразу поняла,

что имеет дело с гордостью третьего «А» класса школы номер семнадцать. Но в голову, как назло, ничего не приходило.

Зойка повела острым носиком, как будто что-то унюхала, задрала голову кверху, вглядываясь неизвестно во что, и протянула ладошку.

— Ты что, под солнцем дождь ловишь? — съехидничал Родька.

Зойка ничего не ответила, стояла с вытянутой рукой.

Вокруг неё закружилась стрекоза и опустилась ей на ладонь. Её прозрачные крылышки нежно светились, переливались голубым, розовым, перламутровым. Зойка улыбнулась.

— Какая красивая! — восхитился Родька. — Дай мне её! — И потянулся за стрекозкой.

— Зачем?

— Я её засушу. У меня в коллекции ещё нет таких красивых.

— В какой коллекции? — обомлела Зойка.

— Я коллекционирую бабочек и стрекозок. Мне учительница сказала, что потом моя коллекция будет выставлена в школьном музее. Я вообще много знаю о жизни стрекоз, ужасно интересные создания. — Родька снова засмотрелся на стрекозу. — Правда, я такой красивой не видел! Странно, почему она села к тебе на ладонь?

3 0 0 1 9 6

Муниципальные библиотеки
Очерского района

— Потому что это моя стрекозка! — сердито сказала Зойка. Она подняла руку, и стрекозка растаяла в воздухе.

— Как это твоя?

— Из нашей деревни Кутузы. Стрекозка Майка. Она прилетела рассказать, как там бабушка без нас живёт.

— Ничего голова у тебя работает! — похвалил Родька. — А я ещё не такое могу выдумать! Спорим? Мы с моим другом Лёшкой Субботиным научно-фантастический роман пишем!

Но Зойка по-прежнему стояла сердитая.

— Дай слово, что не будешь коллекции из стрекозок делать!

— Так это же для науки! Темнота! Собаке, между прочим, даже памятник поставлен, потому что, прежде чем лечить людей, проводят опыты на животных. Нарочно им болезни вводят, начинают ставить эксперименты и наблюдают — умрут или не умрут. А тут какие-то стрекозки!.. — И в этот момент Родька получил подзатыльник. Он обернулся к обидчику, но рядом никого не было. Мальчик растерянно посмотрел на пассажиров, гуляющих по палубе. Никто на него не обращал внимания. Он закусил губу, ничего не понимая. А у Зойки лицо сразу хитреньким стало, она хихикнула и спросила:

— Чего это ты дёргаешься? Больной, что ли?

— Сама ты больная!

Родька повернулся и пошёл. Чего она смеётся?! Хотя при чём тут Зойка? И чего он на неё рассердился? Не она же ему подзатыльник дала. Но кто? Рядом же никого не было! Непонятное что-то происходит с ним.

— Ты чего такой мрачный? — спросила мама. — Поссорились? Почему девочку оставил?

— Ничего не поссорились, — буркнул Родька. — У меня голова разболелась.

— Перегрелся на солнце! — сделал заключение откуда-то возникший Павел Михайлович Федулин.

Мама взяла Родьку за руку:

— Пойдём в каюту!

Родька выдернул руку: что он, маленький, чтоб его за руку водили!

Когда пришли в каюту, мама внимательно осмотрела сына.

— Почему ты такой бледный? — с беспокойством спросила она.

— Я же сказал: у меня голова болит!

Он лёг на диван, устало вытянул ноги. Так и будет лежать, ни за что никуда больше не пойдёт. Даже ужинать. Пусть в каюту несут. И Зойку с её хитростями, стрекозками больше видеть не желает.

Пришёл папа, который ходил узнавать, что продают в буфете.

— Он перегрелся на солнце, с ним мог случиться солнечный удар! — взволнованно сообщила мама и положила Родьке на лоб мокрое полотенце.

Папа сказал, что с солнцем шутки плохи. Пятна на солнце влияют на всё человечество, в том числе и на Родьку.

Мама сказала, что ребёнок болен и пятна тут совершенно ни при чём. Папа стал доказывать, что они могут действовать даже на психику. Тут Родька сразу открыл глаза, сбросил полотенце.

— А вдруг они уже подействовали на психику? — спросил он с беспокойством.

— С какой стати? — удивилась мама. — Я за твою психику спокойна. Уж если они и повлияют, то только на папу.

— Да они уже повлияли на меня! — воскликнул Родька.

Сейчас-то ему стало ясно, что всё дело в солнечных пятнах.

— Не выдумывай! — строго сказала мама.

— Ага, не выдумывай! А кто мякнул под ухом? А кто меня за обедом ущипнул? — грозно спросил Родька. — А кто мне подзатыльник дал?

— За что? — тут же спросил папа.

— Какой подзатыльник? — опешила мама. — Вот поэтому у него и болит голова! Какой-то хулиган дал ему подзатыльник. Ты хотя бы его запомнил?

— В том-то и дело — никого не было! Видимо, мне всё кажется. Галлюцинации! Солнечные пятна влияют!

Мама стояла как оглушённая. Совершенно здоровый мальчик — и несёт такую околесицу. Что с ним произошло?

Тайна Зойки Капелькиной

Пассажиры Капелькины занимали угловую каюту номер сто два. В трюме.

Напротив них, в каюте номер сто три, жил Павел Михайлович Федулин.

Трюм — это тебе не третья палуба, где сиди и любуйся проплывающими берегами. Здесь, в круглый иллюминатор, видно только воду и больше ничего. Но совсем не значит,

что это плохо. На воду смотреть тоже интересно. А если долго-долго не мигать, то можно увидеть водяного с бородой, зелёного цвета. Так говорила Зойке подруга Нюшка. А сама Зойка никаких водяных не видела. Жалко, что Нюшки рядом нет, хорошо бы вместе к морю плыть. Что она сейчас, интересно, делает? Наверно, опять телёнка ищет, вечно он куда-нибудь убегает. У, бездомный!

Зойка сидела, смотрела в иллюминатор и ела вишню, которую купили на пристани. Она долго обсасывала каждую косточку. Не так-то часто ей приходилось лакомиться вишней. В их деревне её не сажали, лишь мама иногда привозила стаканчик-другой из города. На рынке покупала. Бабушка ворчала:

— Зачем деньги тратить на баловство? Возьми корзинку да сбегай на косогор за клубникой. Лень-то вперёд тебя родилась.

Зойка, конечно, бегала за клубникой и за земляникой, но это были свои ягоды, их ешь сколько хочешь. А вишня была с юга, всего один стаканчик.

Зойка жила с бабушкой в Кутузах. А мама жила в городе. Она ждала, когда ей дадут квартиру. Тогда бы она забрала к себе и Зойку, и бабушку.

Отца Зойка не знала. Только фотографии видела. Он жил где-то на Севере и, видимо, не часто их вспоминал. Так бабушка говорила. Зойка писала ему письма, а он отвечал не на все. У него там была другая семья и сын Алёша. Зойка Алёше тоже писала, он ответил два раза. Она очень гордилась его письмами и показывала всем подружкам: «Это от моего братика!» Алёша её интересовал гораздо больше, чем отец.

Маму Зойка жалела. Нелегко ей живётся. Но ничего, вот она вырастет и будет ей помогать.

— Встань-ка, примерю свитер, — сказала мама, которая сидела рядом и вязала.

Зойка встала, мама прикинула на неё вязание.

— Пока плывём, и свяжу, — сказала она. — Будет тебе обновка.

— Когда мы приедем обратно и пойдём к Родке в гости, я его надену. Ага? Только, наверное, жарко будет.

— Собралась. Никто тебя ещё не приглашал!

— А что — просто так нельзя? Мы с бабушкой никого в гости не зовём, к нам все приходят, когда захотят.

— Сравнила! У вас в Кутузах вообще двери не закрываются. Замок ещё в прошлом году потеряли, всё не найдёте.

— А зачем он? Можно на палочку закрыть. — Зойка задумалась. — Лучше бы ты, мама, обратно к нам приехала жить, чем мы к тебе, — осторожно сказала она. — Нам с бабушкой в городе не житьё.

— Наговорила тебе бабушка! Как вы не понимаете: у меня же профессия. Я — ткачиха, и передовая! Да и тебе учиться надо. В Кутузах даже школы нет. Не надоело тебе за три километра бегать?

— Не-е. Не надоело.

— Всё равно Кутузы скоро снесут. Всех переведут в центральную усадьбу.

— Никуда мы с бабушкой не поедем.

— Заладила: мы с бабушкой! Можешь мне хоть в отпуске настроение не портить? Ты думаешь, что говоришь: вы что — во всей округе одни останетесь?

— Нюшка тоже не поедет.

— Замолчи, пожалуйста! — Мама расстроилась. Это были их старые разговоры, и никогда они не приводили ни к какому решению.

Зойка замолчала и продолжала сосать вишню, а мама — вязать свитер. Вязание совсем её успокоило, и она потихонечку запела: «Во поле берёзынька стояла, во поле кудрявая стояла...» И вдруг из угла КТО-ТО подпел скрипучим голосом: «Люли-люли, стояла, люли-люли, стояла...»

Мама выронила из рук спицы. Зойка чуть не подавилась вишней.

— ОН здесь? — шёпотом спросила мама.

Зойка молча кивнула. Вид у неё был скорее сконфуженный, чем испуганный.

Мама обвела взглядом каюту, стараясь определить, где ОН. Всё стояло на своих местах, не шевелилось, не двигалось. Но тут спицы, которые лежали на полу, словно сами поднялись в воздух и воткнулись в клубок.

— ОН что — всё ещё жив-здоров? — спросила мама, хотя знала, что жив-здоров.

— Жив, жив! — донёсся обиженный скрипучий голос.

Некоторое время мама молчала, приходила в себя. Наконец, видимо, пришла: брови нахмурила, глаза посуровели.

— Как ОН здесь оказался? — строго спросила она.

Зойка вздохнула.

— Сел да и поехал, — раздалось из угла.

— А ТЫ молчи! — прикрикнула мама на того, в углу, и окончательно пришла в себя.

— И так всё время молчу, — проскрипел голос.

— Значит, «зайцем» едет? — спросила мама.

— А зачем ему билет? Всё равно его не видно.

— Всё равно меня не видно, — проскрипело из угла.

— Значит, вы меня решили обмануть? — спросила мама.

— Мы не хотели обманывать! — воскликнула Зойка. — Я бы тебе всё равно сегодня сказала, только хотела сначала подготовить, чтоб ты не расстраивалась. — Зойка посмотрела в угол. — А ты чего запел раньше времени?

— Сорвалось. Песню-то ещё лет сто назад певал, когда совсем молодым был. Вместе с твоей прабабкой Кланей как затынем!

— Ты мне это уже десять раз рассказывал! — прервала Зойка.

— Зачем ты взяла ЕГО с собой? — сердито спросила мама.

— Но ОН нигде-нигде не бывал! Даже бабушка ЕГО отпустила, только наказала вести себя тише мыши!

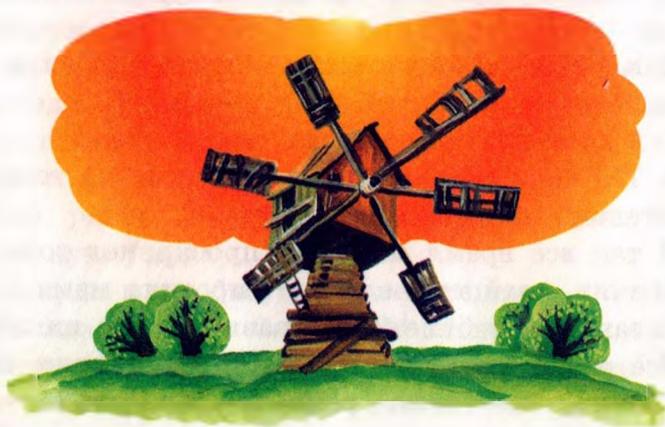
— Не было несчастья! — Мама была страшно огорчена. — Я хотела отпуск спокойно провести, а ты со своим ТОПАЛО!

Из угла донёлся тихий вздох. Зойка тоже вздохнула.

— Он никому-никому не помешает, честное слово!

— Никому не помешаю! — снова заскрипело в углу.

Топало и компания

Трудно поверить: Зойка Капелькина ехала к Каспийскому морю с... домовым. Звали домового ТОПАЛО.

Редко встретишь сейчас семью, где бы был свой домовый. Если у кого и есть, то помалкивают и даже несколько смущаются этим обстоятельством как пережитком прошлого.

А когда-то в деревне Кутузы в каждом доме жил домовый. Крутило, Вертило, Дразнило, Глупило, Возюкало... Весёлая компания.

Соберутся иногда в овраге за деревней, разные истории рассказывают, песни поют. Запевал обычно Глупило:

Облоухая свинья
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счётом шестьдесят.
Распустила поросят
Всё по маленьким сучкам.
Поросята визжат,
Полететь они хотят.

Свинья Хавронья очень обижалась на эту песню.

Самые весёлые и беспшабашные домовые были Крутило и Вертило. Как разыграются — давай мельницу крутить. Мельник ругается: «Опять домовые потешаются!»

Дразнило увидит кого-нибудь на дороге — засвистит, захохочет. Только никто его не боялся. И от хозяина за такие выходки ему не раз влетало.

Глупило любил на ярмарки ездить и в балагане представления смотреть. Потом, когда балаганов не стало, он стал наведываться в цирк шапито.

А Возюкало как с утра начнёт куда-нибудь собираться, всё возится, возится — глядишь, и вечер настанет. А когда позовут его домовые повеселиться в овраг, он отвечает: «Мне некогда».

Самым рассудительным среди домовых был Думало. Ничего он зря не скажет, а если скажет, то сначала подумает. Иногда целыми неделями молчал, всё думал.

— Чего ты надумал? — спрашивал его любимый друг Топало.

— Пока ничего, — отвечал Думало. И продолжал думать.

Однажды Думало произнёс:

— Природа наша чахнет. — И снова надолго замолчал.

Как-то прошёл слух, что деревню Кутузы сносить будут. Далеко она от большой дороги стоит, дома уже старые, а строить новые лучше в большом селе.

Собрались домовые в овраге на совещание.

— Какая нам разница, где жить, — сказал Глупило. — Всё равно мы невидимые. В городе даже лучше: можно в цирк сходить, на трамвае покататься. Я один раз был в городе, мне понравилось.

— Глупило, ты и есть Глупило!

Разгорелся жаркий спор. Домовые так расшумелись, что из норы вылез барсук и проворчал:

— Что вы мне спать не даёте? У меня и так бессонница. Мне покой нужен.

— С нами уже и барсук неуважительно разговаривает! — возмутились Крутило и Вертило.

Дразнило хотел залихватски свистнуть, но раздумал, настроение что-то у него пропало.

Топало был самым молодым среди домовых, он больше слушал. А Думало, самый старей, всё думал. Наконец он сказал:

— Домовой должен жить при доме, а дом — при хозяине.

Он опять надолго задумался. А пока он думал, все домовые куда-то из деревни Кутузы подевались. Топало хо-

дил в Большое село: может, там поселились? Но и в Большом селе их не было. И во всей округе тоже.

А однажды попрощался с Топало его самый старый и самый любимый друг Думало. Хозяин Соснин уезжал куда-то на Волгу, в посёлок Ключи, а дом продал под снос. Вместе с хозяином покидал родные места и его верный домовой.

Остался в Кутузах один Топало. Нет у него ни друзей, ни приятелей. И в деревне без домовых стало тихо, скучно. Некому ни свистнуть, ни гикнуть. Сидит Топало один на чердаке около трубы. Бывает, занесёт избу снегом до самой крыши. В трубе что-то воет, воет, потом закричит. Это домовый греется.

Иногда к нему приходил кот Филимон. (Надо сказать, что для человека домовые были невидимы, а животные каким-то образом их видели. А может быть, не видели, просто чувствовали. Если бы наука занималась домовыми, она бы объяснила этот феномен. Но наука домовыми не занимается.)

Кот Филимон по чердаку, мышей понюхает, изогнёт спину, потрётся около трубы.

— И чего ты тут один живёшь? — как-то спросил домового Филимон.

— А куда мне деваться? — вздохнул Топало.

— Бабка Дуся каждый день тебя жалеет, — сказал Филимон. — Но когда ты в трубе сидишь — ругается: «Разворотит трубу, кто класть будет?»

— Ничего не разворочу, — пробурчал Топало.

И стал домовой со своего чердака всё чаще спускаться в избу. Топ-топ по чердаку, потом дверь открывается: топ-топ по избе.

— Топает Топало! — ворчала бабушка.

«Живём, не тужим!»

Жила бабушка Дуся Капелькина вдвоём с внучкой Зойкой. Дед Иван умер пять лет назад. Тридцать лет они жили вместе, пятерых детей вырастили. Все дети разъехались в разные стороны, слали письма да гостинцы, в отпуск приезжали.

Когда деда Ивана не стало, долго горевала бабушка Дуся. Особенно зимой. Топится вечером печка, прядёт бабушка пряжу и всё вспоминает свою молодость и Ивана, какой он был удалой и как с войны она его ждала и дождалась, хоть и сильно израненного.

Любила она внучке Зойке рассказывать про его воинские подвиги. Как тонул, да не утонул, как горел, да не сгорел, как самого немецкого генерала в плен взял.

Большой портрет деда, увеличенный с фотографии, отретушированный старательным фотографом так, чтоб не было ни одной морщинки, висел на стене. И хотя дед не походил на себя, бабушка Дуся часто стояла у фотографии и смотрела на него.

Так и жили они вдвоём: бабушка и внучка. Правда, были у них ещё кот Филимон, коза Манька, пёс Бакай и домовая Топало.

Пса оставил бабушке Дусе сосед Соснин, когда уезжал в посёлок Ключи. Бакай был уже старый. Вначале он очень переживал, что хозяин уехал, появилась в его глазах собачья тоска. Но Зойка, как могла, утешала его, бабушка Дуся в сарае тёплую будку смастерила, костями угощала, кот Филимон про свои похождения рассказывал, несмотря на то, что пёс на одно ухо совсем плохо слышал. Бакай всей душой полюбил свою новую семью.

У него было одно занятие: караулить козу Маньку. Но Манька никакого внимания на него не обращала и спокойно ела на огороде капусту.

Топало не раз ей говорил:

— Манька, нет у тебя совести!

— Последний раз! — отвечала Манька, пожёвывая капустный лист.

Со временем Топало совсем перестал ходить на свой чердак. Он облюбывал место на печке. Тут и тепло, и послушать есть кого: за печкой жил сверчок Петька и не уставая пел песни.

Как-то бабушка сказала:

— Топало, ты бы перевёл, что за песни Петька поёт.

Ой люли, та-ра-ра!
На горе стоит гора,
А на той горе лужок,
А на том лужку дубок,
А на том дубку сидит
Ворон в красных сапогах,
Во зелёньких серьгах.
Чёрный ворон на дубу,
Он играет во трубу.

С тех пор Топало стал переводить Петькины песни. Голос у него, правда, был скрипучий, а слуха никакого, но петь Топало любил.

— Скрипишь, как старая осина, — говорила бабушка Дуся.

На берегу реки росла осина. Она и правда скрипела, особенно в непогоду. Скрип-скрип-скрип!

— У неё болит что-нибудь? — спросила Зойка Топало.

— Нога сохнет, кто-то топором подсёк.

Зойка жалела осину. С подругой Нюшкой они даже перевязали её. Но дерево продолжало сохнуть, крениться, тихо поскрипывать. Однажды пришёл Нюшкин отец — плотник дядя Вася — и решил срубить его.

— Всё равно посохнет, — пояснил он. — А мне для дела надо.

Зойка носом зашмыгала. А Нюшка её успокаивает:

— Чего ревьешь? Дерево вон какое высокое, молния ударит — и прямо в него. А вдруг под ним сидеть будем? Сразу почернеем и живы не останемся.

Однажды во время страшной грозы молнией расщепило липу и убило корову. После этого Нюшка стала ужасно бояться гроз. Зойка тоже боялась. Как грохнет гром — так

косяки в избе затрещат. Зойка с Нюшкой забирались под кровать и сидели там, пока солнышко не выглянет.

Но разве осина виновата, что бывают грозы? Ей, наверное, самой страшно, ведь она под кровать не спрячется.

Нюшкин отец уже топором замахнулся, да не успел по дереву ударить. Топало перехватил топор и отбросил его подальше.

— Ходят тут, — проворчал он, — машут топорами. Обо всём позабывали.

Нюшкин отец не обиделся: не принято было у них в деревне обижаться на домовых. Но всё-таки спросил:

— А чего такого мы позабывали?

— Не было у деда Мирона под рукой вожжей...

Нюшкин отец призадумался и кое-что вспомнил. Осинку-то эту не кто-нибудь посадил, а его дед — Мирон. А он, тогда малец шустрый, бегал, играл да и сломал деревце. Вот дед Мирон и искал вожжи, чтоб выдрать его.

Осинка цепкой оказалась, отросла.

— Совсем из ума вышибло! — сказал Нюшкин отец. — Запомятовал! — Он легонько постучал по стволу дерева: мол, прости, чуть тебя не погубил.

Около осины собрались все: кот Филимон, коза Манька, пёс Бакай. Они ещё долго обсуждали случившееся.

Топало, оставшись один на всю деревню, стал совершенно незаменимым. Если бы он был человек, сказали бы: «Совершенно незаменимый человек». Но нет такого выражения: «Совершенно незаменимый домовый».

Если бабушку Дусю кто-нибудь спрашивал: «Как живёте?», она обычно отвечала: «Живём, не тужим!»

— А что тужить? — говорил Топало.

Раным-рано бабушка Дуся уйдёт на ферму, а домовый давай печку топить. Блины испечёт, Зойку разбудит. Вкусные блины, с маслом да со сметаной. Сам Топало ничего не ел, потому что домовые не едят. Только воду пил. Иногда деревья угощали его своим соком.

Вечером Топало Зойку спать укладывал. Когда она была маленькой и начинала кукситься, капризничать (с маленькими это случается), он всегда пел ей одну и ту же колыбельную:

Не плачь — дам калач,
Не вой — дам другой,
Не реви — дам три!

Топало настолько «очеловечился», что зимой стал ходить в валенках. Вот и топают по избе одни валенки. К тому же он любил пофорсить. Иногда наденет шарф, старую дедушкину шляпу, достанет дедушкину тросточку — и крутится перед зеркалом. Бабушка веником его — чтоб не модничал! А порой бабушка вздыхает:

— Ох ты, нежить, нежить!

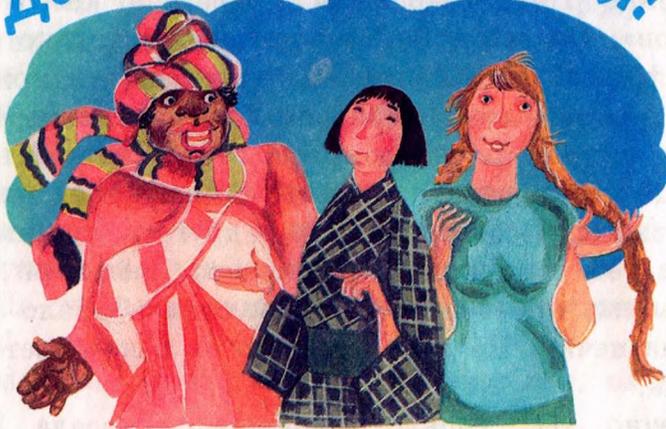
— Бабушка, ты почему Топало нежитью зовёшь? — спросила Зойка.

— Да как тебе объяснить? И объяснения-то нет. Нежить и нежить. И не дух, и не человек.

Топало не нравилось, когда бабка вздыхала и нежитью его звала. «Нежить» выходило «не жить». А чего ему не жить, если молодой, всего сто пятьдесят лет стукнуло?

До скорого свидания!

Раз в месяц приезжала из города Валя — Зойкина мама. Как-то полезла она на печку, а Зойка говорит:

— Ты поосторожней, там Топало спит.

— Что ему — чердака мало? — удивилась мама.

Раньше, когда семья была большая, все живы-здоровы, все в доме, домовый никогда в избу не заходил, только на чердаке топал.

— Сейчас он в избе живёт, — пояснила Зойка. — Вместе веселее.

Мама не возражала: веселее, так веселее, но всё-таки относилась к этому как-то настороженно и в особые разговоры с домовым не вступала. И Топало помалкивал.

— А когда квартиру в городе дадут, дом продадим, куда вы его денете? — как-то спросила мама.

— С собой возьмём, — сказала Зойка.

— В городе ему не место.

— Никуда я отсюда не поеду, — сказала бабушка.

С тех пор и начались нелёгкие разговоры о переезде.

Однажды мама привезла из города телевизор. Вечерами вместе с бабушкой и Зойкой стал смотреть передачи и То-

пало. Наденет очки — и сидит. Правда, стёкол нет, одна оправа, но его это ничуть не смущало.

Особенно Топало нравилась передача «Клуб путешественников». Он всё к Зойке приставал: сколько километров до Африки? Ему никак не верилось, что может быть какая-то Африка, совершенно не похожая на деревню Кузузы. Уж не туда ли все домовые переселились?

А ещё его поразило, что на Земле люди говорят на разных языках и совершенно друг друга не понимают.

— Он тебе про Фому, ты ему про Ерёму, он тебе про Ерёму, ты ему про Фому. — Недовольный Топало запыхтел и полез на печку. Не думал он, что на белом свете так обстоят дела.

— Вечно ты, Топало, ворчишь, — сказала Зойка. — А если встретишь домового-иностранца, как с ним будешь разговаривать? По-французски, да? Тоже друг дружку не поймёте.

— Сама ты не поймёшь! Мы с ним можем говорить и по-кошачьи, и по-собачьи, и по-птичьи. Мало, что ли, в природе языков? И все понятные.

Телевизионные передачи, хотя и чёрно-белые, разбудили в домовом желании поглядеть мир.

Когда Топало узнал, что Зойка собирается плыть на теплоходе по реке Волге, он тоже засобирался. Свою любимую шляпу в чемодан положил, старые тапочки (сначала хотел валенки, но всё-таки лето).

— Ты куда? — всплеснула руками бабушка.

— С Зойкой, на Волгу.

Зойка решительно выложила из чемодана шляпу.

— А с бабушкой кто останется? — спросила она.

Топало положил шляпу обратно в чемодан.

— Ньюшка будет прибегать, чего ей ещё делать?

— Ньюшка телёнка пасёт! — Зойка снова выложила шляпу.

— Телёнок и без Нюшки знает, где трава растёт. — Топало снова положил шляпу в чемодан. — Ты поедешь, а я так нет? — заскрипел он. — В городе ни разу не бывал, Москву не видал.

— Я тоже Москву не видела!

— Увидишь ещё. Тебе всего девять годков, а мне сто пятьдесят.

Зойке стало жалко Топало. И правда, сто пятьдесят лет дома сидит, а она уже к Каспийскому морю едет.

Бабушка вначале ни в какую:

— На то ты и домовой, чтоб дома сидеть! Ишь чего надумал!

Топало запыхтел, заскрипел, обиделся, залез на чердак.

— Раз моё место на чердаке, — пробурчал он, — больше отсюда не сойду. Или в трубу залезу. Весь дым в избу пойдёт.

— Ишь чего надумал! Да я тебя кочергой! — погрозила бабушка. Они часто с Топало ссорились, бранились и сразу мирились. Но тут он обиделся всерьёз.

Не только любопытство манило Топало в дальние края. Ведь его друг Думало жил где-то на Волге, в посёлке Ключи.

Этой зимой, когда на улице бушевала вьюга, неожиданно ему пришло от Думало письмо. Не в конвертике и не по почте. Ветер принёс. Издалека донеслись до него слова друга:

«Дорогой Топало! Не знаю, проживаешь ли ты попрежнему в родной деревне Кутузы. А я проживаю в посёлке Ключи, который стоит на берегу Волги. Жизнь здесь весёлая, пароходы пристают, народу много всякого. Только мне не весело. Кроме меня, домовых здесь нет. Я один, как и ты. С хозяином Сосниным только иногда потолкуем, деревню Кутузы вспомним. Да и он уже стар. А молодёжь меня не признаёт. Видно, и мой век кончается. Хотелось

бы на склоне дней повидаться с тобой, душа моя. Да не суждено. Я посылаю тебе по ветру третье письмо. Не знаю, доходят ли они до тебя. Столько, милый друг, над землёй проводов повешено, так гудят они по ночам, что и не мудрено, ежели письмо затерялось в этом множестве звуков или исказилось его содержание. Я ни разу не получил от тебя весточки. Тоскующий по тебе домовой Думало».

Только одно письмо услышал Топало. И тут же отправил ответ. Конечно, тоже не в конвертике.

В двенадцать часов ночи, когда не видно было луны, не лаяли собаки, окрест стояла глухая тишина, домовый вылез на крышу, поймал самую сильную струю ветра и вихрем отправил её сквозь ночное пространство, чтоб она донесла привет другу. Но он не знал, где находятся Ключи и река Волга, и послал письмо в другую сторону. Ветер, покружив, унёс его на север, и оно исчезло в ночи.

Топало ещё стоял на крыше, прислушиваясь к движению воздуха, когда из-за тучи показалась луна. Сначала вышел жёлтый краешек, как бы раздумывая: светить или не светить? А потом выплыла вся луна — круглая,

созревшая, с багровым оттенком. И сразу дома, деревья, звери, застигнутые луной в поле, отбросили тень.

И на крышу дома тоже пала тень домового. Ничем особым она не отличалась от людской. Только руки, пожалуй, были чуть длиннее, а ноги короче, словно когда-то, давным-давно, ему было удобнее ходить на четвереньках. Но это лишь предположение, которое сделал сам Топало, рассматривая свою тень.

За последние сто лет никто в деревне Кутузы тени домовых не видел. Говорили, что такое явление бывает то ли к счастью, то ли к несчастью, но обязательно к чему-то, не просто так. А случилось это столь редко оттого, что нужны были особые обстоятельства: во-первых — полночь, во-вторых — полнолуние, в-третьих — благоприятное сочетание созвездий.

А какое сочетание было благоприятным — никто не знал. И сами домовые — тоже. Только Думало очень долго глядел на звёзды и кое о чём начал догадываться.

В ту морозную ночь сочетание созвездий оказалось благоприятным.

— У меня великолепная тень! — радостно воскликнул Топало. — Наконец-то я её увидел!

Он тут же послал Думало эту важную новость. Но опять в другую сторону.

Топало долго ждал ответа, но никаких известий от друга так и не получил. Жив ли он?

И вот выпал случай поехать по Волге, найти Думало и повидаться с ним, может быть, последний раз в жизни.

А вместо этого Зойка выбросила из чемодана его шляпу. Сиди сейчас на чердаке один-одинёшенек.

Топало решил посоветоваться с котом Филимоном. Как-никак Филимон бывалый. Когда он был молодой, то каждую весну куда-нибудь уходил, а к осени возвращался, тощий, побитый в боях, корноухий, но страшно гордый. Вот уже три года Филимон из дома не отлучался, жирел. Как развалится на табуретке, ни за что с места не сдвинешь. Даже если мышь выскочит, и то не пошевелится.

Кот Филимон выслушал Топало, расправил коготки, потянулся.

— Когда я уходил из дома, никого не спрашивал, — сказал он, щуря зелёные глазки. — Даже смертельная опасность, которой я подвергался много раз, меня не останавливала. А ты — невидимый. Поезжай тайком. Зачем тебе кого-то спрашивать? Ах, если бы я был невидимый! — позавидовал он.

Если бы Филимон был невидимый, то съел бы сметану во всей деревне и округе. Сколько раз он об этом мечтал, когда бабушка Дуся заставляла его у кринки.

— Всё-таки я домовый, а не кот, — сказал Топало. — Не пристало мне хозяев обманывать.

— Ну тогда сиди на чердаке, — сказал кот Филимон. — Всяк кузнец своему счастью. — И замурлыкал.

Топало совсем запечалился. Но кому нужны переживания домового? И тут он услышал: бабушка Дуся стучит по потолку кочергой:

— Топало, слезай с чердака!

— Не слезу!

Заскрипела лестница, показалась Зойка.

— Топало, бабушка тебя отпустила! Вместе поедем!

Топало радостно затопал, слез с чердака.

— Уговорили. Поезжай, — сказала бабушка. — Я на сенокосе буду, мне не до тебя. За Зойкой пригляди, чтоб в воду не сунулась.

— Пригляжу, пригляжу!

— И чтоб никто тебя не заметил! Тише мыши! — наказала она.

Все вышли попрощаться с Зойкой и Топало: кот Филимон, пёс Бакай, коза Манька. Прилетела с лугов и стрекозка Майка.

— Вы не беспокойтесь, — сказала она Топало. — Я буду прилетать к вам и рассказывать, как бабка Дуся живёт. — Стрекозка вспорхнула. — До скорого свиданьица!

Кот сошёл с ума?

Родька стоял на корме и смотрел в бинокль. К нему подошла Зойка, постояла молча рядом. Он не обращал на неё внимания.

— А мне можно посмотреть? — наконец спросила она.

Родька ничего не ответил, продолжал смотреть в бинокль.

— Можно посмотреть? — снова спросила Зойка. Она подумала, что Родька не слышит.

— Можно, да осторожно. Это самый настоящий военный бинокль. Бабушкин.

«Какая у него интересная бабушка, — подумала Зойка. — Чемпион по бегу, да ещё в бинокль смотрит». Она представила свою бабушку Дусю Капелькину: вот сидит бабушка на берегу и глядит в бинокль, а за спиной у неё коза Манька стоит. Зойка хихикнула.

— Ничего смешного, — сказал Родька. — Моя бабушка на войне была и даже медаль имеет.

— На войне? А разве бабушек берут?

— Ну ты соображаешь! Война была давным-давно. Тогда ещё и папа с мамой не родились.

— Не родились? — поразилась Зойка.

— А ты считать умеешь? И твоя мама тоже не родилась. Чего ты на меня уставилась?

Зойка и правда уставилась на Родьку, будто он ей сказал потрясающую новость. Она никогда не задумывалась над тем, что когда-то на свете не было мамы, не было бабушки. И её, Зойки, тоже не было. Она росла под солнышком, как трава, не размышляя, как появилась на свете и почему.

«Какой Родька, оказывается, умный, — подумала Зойка. — А я глупая-преглупая». — Так обычно бабушка ей говорила: «Глупая ты, преглупая».

Родька снял с шеи бинокль.

— Вон туда смотри! — указал он пальцем. — Там домик увидишь.

Зойка осторожно взяла тяжёлый бинокль, поднесла его к глазам.

— Не урони! — строго сказал Родька. — Что-нибудь видишь?

Сначала Зойка ничего не видела, а потом увидела маленький домик на берегу и мальчишку с удочкой.

— Ой, как интересно! — закричала она. — А ещё собака! Я собаку вижу, так близко!

Топало, конечно, стоял рядом с Зойкой, и ему тоже очень хотелось посмотреть в бинокль. Он подтолкнул её в бок:

— Дай посмотрю!

Родька замер: какой-то странный голос ему слышался. И он мог поклясться, что даже услышал слова: «Дай посмотрю». Родька незаметно огляделся вокруг себя. Решительно никто не обращал на них внимания и ничего подобного произнести не мог. Уж и солнце не так жарит, скоро скроется за горизонтом, а на него, видимо, всё ещё солнечные пятна действуют. Он отвернулся и потёр лоб.

В это время Топало взял бинокль, но не успел посмотреть. Родька повернулся и побледнел: бинокль висел в воздухе, его никто не держал. Но это продолжалось всего мгновение. Зойка уже снова смотрела в бинокль, сделав вид, что ничего не произошло.

— А ну-ка, давай сюда! — Родька отнял у неё бинокль.

— Ты чего? — спросила Зойка, невинно улыбаясь.

— Ничего! — Он и сам не знал «чего он» и объяснить не мог. Как с этой Зойкой встретится, так что-то с ним происходит.

Он пошёл к родителям, которые стояли на корме и разговаривали. На палубе играла гитара, гуляли пассажиры, смеялись. Почему у него одного странные галлюцинации?

— Ты опять бледный! — встревожилась мама. — И глаза мутные! Покажи язык!

Родька высунул язык. Гладенький, розовый, значит, совершенно здоровый. Мама языком осталась довольна. Она приложила ладонь ко лбу. И температуры нет.

— Я пойду в каюту, — сказал Родька. — Лимонаду по-
пью.

На самом деле ему хотелось остаться одному и хорошенько подумать, что происходит, уж не сошёл ли он с ума.

В каюте он подошёл к зеркалу и стал себя рассматривать: есть в нём что-нибудь сумасшедшее или нет? Вот и взор мутный, как мама говорит. А, кроме взора, какие ещё признаки могут быть?

Громкий смех: «Ха-ха-ха!» Сумасшедшие, наверное, прыгают.

Родька запрыгал перед зеркалом, дёргая себя за нос, и захохотал: «Ха-ха-ха!»

В это время раздвинулась на окне шторочка, и появилась физиономия Зойки.

— С ума сошёл, что ли? — Зойка даже испугалась. — Ты чего себя за нос дёргаешь?

— Хочу и дёргаю! Что тебе от меня надо? — закричал Родька, покраснев. — Что ты по пятам за мной ходишь?

— Ты не кричи, — рассудительно произнесла Зойка. — А то не вырастешь. Я огурец тебе принесла. Можно, зайду?

— Заходи, — буркнул Родька.

Через минуту Зойка уже сидела на диване. А на столике лежал крепкий пупырчатый огурец, который она перед отъездом сорвала с грядки.

Родьке тоже надо было чем-то угостить Зойку, всё-таки гостья. Он открыл холодильник и достал тарелочку с горькой вишни.

— Мы тоже покупали, — сказала Зойка, поглядывая на сочные, блестящие ягоды.

Бабушка говорила, что в гостях надо есть немного и не сразу принимать угощение, а поотказываться.

— Что-то не хочется, — вздохнула гостя и взяла одну ягоду. Потом вторую. А третья прямо смотрела на неё и сама просилась в рот.

Вишня в тарелке на глазах убывала, а Зойка остановиться не могла.

Родька с удовольствием вонзал зубы в хрустящий огурец, прохладный и свежий.

— Вы тоже раньше в деревне жили? — спросила Зойка.

— Мы? В деревне? Тебе, случайно, не приснилось? — Он, гордость семнадцатой математической школы, и вдруг — жил в деревне!

— А тогда чего у вас фамилия Мельниковы? Деревенская. У нас в классе есть Колька Мельников, так у него дед мельником был, потом мельницу сломали, элеватор построили. Может, вы с ним родня?

— По-твоему, все однофамильцы — родственники? — спросил Родька насмешливо. Ему не хотелось иметь ничего общего с каким-то неизвестным Колькой.

— По-моему, родственники, — сказала Зойка.

— А по-моему... — Он не договорил. Родьке послышалось, что у двери кто-то затопал. Казалось бы, что тут такого: ходят пассажиры, стучат. Но в этом топанье было что-то особенное: будто медведь прыгал то на одной ноге, то на другой.

— Кто там? — спросил Родька тихо.

Зойка вспорхнула с дивана, приоткрыла дверь, высунула голову в коридор.

— Никого здесь нет! Наверное, кто-то мимо проходил неуклюжий! — И снова уселась на диван.

В «чёртово логово»!

Топал за дверью Топало. Когда Зойка пошла в гости к Родьке, наказала ему:

— Подожди меня здесь, никуда не уходи!

— А ты там не рассиживайся!

Зойка ушла, а Топало улёгся на ковровую дорожку, покрывавшую коридор. Им бы в Кутузы такой ковёр, он бы всё время на нём лежал. И кот Филимон тоже. Оба бы лежали и беседы вели. Коза Манька на них бы в окно смотрела и завидовала.

Только Топало размечтался, какая бы жизнь пошла, будь у них ковёр, как появился пассажир в трусиках. Он вышагивал по дорожке уверенно, как капитан. Домовому пришлось отодвинуться, но всё равно тот чуть не наступил ему на ногу.

— Идёт, не смотрит, — проворчал Топало. — А может, тут кто-нибудь лежит?

Топало сел. Посидел. Скучно ему стало. Прошёлся взад-вперёд.

С палубы доносилась весёлая музыка. От нечего делать домовый начал притопывать. Как он раньше-то, бывало,

в овраге отплясывал вместе с Крутило и Вертило! Но не успел Топало как следует (то есть как в овраге) притопнуть и прихлопнуть, открылась дверь, и высунулась Зойка.

— Никого здесь нет! — это она Родьке сказала.

Топало понимал, что плясать ему не следовало, но всё же обидно такое слышать: «Никого здесь нет!» Он хотел проскочить в каюту, но Зойка перед носом закрыла дверь.

«Сидят там, разговаривают! А я лежи тут на грязном коврике. — Топало запыхтел. — Вот возьму и пойду туда, куда мне не велели ходить».

А Топало — ни в коем случае! — не велели ходить в машинное отделение. Из-за этого у него произошла маленькая ссора с Зойкой. Домового страшно интересовало непонятное гудение, доносившееся снизу. Он решил немедленно посмотреть, что там происходит.

— «В машинное отделение вход посторонним воспрещён!» Видишь, написано! — сказала Зойка.

Топало вздохнул, притих. Но гудение по-прежнему не давало ему покоя. Уж не черти ли там сидят — его заклятые враги? Однажды, помнится, лет пятьдесят назад, залез к ним в сарай наглый чёрт и сидит, глазками сверкает. До смерти корову напугал. Домовые собрались, окружили его. А он не чёртом, а чертёнком оказался. Давай хныкать, жаловаться, что круглый сирота, забежал в сарай всего-навсего погреться, а не по каким-нибудь тёмным делам.

Домовых долго ли разжалобить. Дали ему краюшку хлеба да отпустили. А он на другой день лошадь в лес заманил. Два дня и две ночи чертёнок на ней ездил и хохотал, чуть живая приплелась обратно. Вот и верь после этого нечистой силе.

Но черти в округе исчезли куда-то ещё раньше домовых. Как начали электропилами лес пилить, так их и след простыл.

Домовые обрадовались: «Сейчас заживём припеваючи, никто нам вредить не будет!»

Но Думало рассудил иначе: «Без чертей мы закинем, захиреем. Сноровку потеряем, удаль. Мысли станут ленивые. Застой начнётся в нашей общине».

Домовые три дня искали чертей, но так больше и не нашли.

Гул, исходивший из нутра теплохода, был для домового незнакомым, загадочным звуком.

Сейчас, когда его все бросили, самое время заглянуть туда. К тому же он успеет вернуться: Зойка уж коли пришла в гости, так будет там долго сидеть. Бабка Дуся часто Топало посылала: «Поищи Зойку, опять где-то с Нюшкой болтают».

Топало осторожно прошёл по коридору и вышел на палубу.

Но никто не заметил его появления. Топало прошёл между загорающими, стараясь никого не задеть. Под зонтиком он увидел дремлющего Федулина, который сидел, скрестив на груди руки, как полководец перед сражением. Его белый беретик был надвинут на лоб. Павел Михайлович открыл глаза, посмотрел на Топало, но, само собой, не увидел его и снова задремал.

Топало не удержался, снял с Федулина беретик и положил ему на колени.

— Что, что такое? — возмутился Федулин, озираясь вокруг.

Но стоявшие рядом пассажиры сами озадаченно смотрели на него. Все видели, что берет сам приподнялся в воздухе и плавно опустился на колени. Но каждый решил, что это показалось только лично ему. Поэтому никто не произнёс ни звука.

— Хулиганство! — Федулин погрозил пальцем неизвестно кому и встал.

А Топало уже спускался с верхней палубы на нижнюю, потом — в трюм. А из трюма узенькая лестница вела дальше вниз. Оттуда и шёл гул.

«Любят черти такие местечки!» — подумал Топало. И полез в «чёртово логово».

В это время молодой вахтенный Коля Сопин дышал свежим воздухом, высунувшись в иллюминатор. Если на палубе было жарко, то в машинном отделении от жары, казалось, вот-вот что-нибудь расплавится. Но тем не менее ничего не плавилось, машины работали в режиме, гудели ритмично и спокойно.

Коля Сопин глядел на реку, улыбался, наслаждался ветерком и был абсолютно спокоен за своё машинное отделение. Он и подумать не мог, что за его спиной появился незваный гость.

А Топало стоял и удивлённо рассматривал небольшой зал, который и был таинственным машинным отделением. Ничего интересного! Какие-то кружочки, стрелочки, как в автомобиле. Когда колхозный грузовик приезжал на ферму, Топало не раз в кабину залезал. Он-то думал, здесь колёса крутятся, как на мельнице. Нет, это не «чёртово логово»! Чертей сюда не заманишь, тут и спрятаться негде. Топало разочарованно прошёлся по машинному залу.

Коля Сопин, любуясь речным пейзажем, насвистывал песенку про любовь.

Топало уже хотел уходить, но нечаянно уронил пустое ведро. Оно покатилося, загромыхало. В машинном отделении и без того грохоту много, поэтому вахтенный не услышал, но что-то заставило его обернуться. И это было в тот момент, когда Топало поднимал ведро.

Коля Сопин остолбенел: ведро само поднялось в воздух и прицепилось на стену к гвоздю! Он закрыл глаза и снова открыл. Ведро висело на месте. Вахтенный решил, что долго смотрел на бегущую воду, вот у него перед глазами предметы и стали двигаться, в частности, ведро. Всё остальное, кажется, прочно стояло на месте.

«Шалопай, работать надо, а не в окно смотреть», — проворчал про себя Топало. И вахтенный получил лёгкий щелчок в нос.

Необычное знакомство

Зойка в это время всё ещё сидела в гостях. Но пора и честь знать.

— Задержалась я у вас, — сказала она.

Родька как вежливый хозяин встал, чтоб её проводить.

— Не надо, не надо! — запротестовала Зойка.

— А может, я хочу прогуляться!

Прогуляться она не могла запретить. Как только Зойка вышла из каюты, сразу почувствовала, что Топало рядом нет. Она повертела головой, как будто могла его увидеть.

— Топало! — позвала она тихонько. — Топало!

Его не было, иначе бы он подал знак. Может, обиделся и сидит, молчит.

— Топало! — уже громко крикнула Зойка. — Где ты, Топало?

— Что с тобой? Ты кого зовёшь? — спросил Родька, с недоумением наблюдавший за странным поведением девочки.

Зойке было не до него. «Куда делся Топало? — испуганно думала она. — Ой, натворит что-нибудь!»

— Топало! — снова окликнула она.

— Кого ты зовёшь?

— Ой, да отвязись!

Но Родька и не думал отвязываться. Он дознается, с чего это вдруг Зойка переполошилась и кого она зовёт каким-то непонятным именем.

«Глупая-преглупая, да он давно в каюте сидит и ждёт меня! — подумала Зойка и побежала. — Ох попадёт ему!»

Родька кинулся за ней. Они чуть не налетели на родителей-Мельниковых.

— Куда вы несётесь?

— Я к себе! — не останавливаясь ответила Зойка.

— Я с Зойкой! Я быстро! — Родька прошмыгнул мимо.

— Немедленно возвращайся! — крикнула растерянно мама. — Что с ними?

— Играют, — сказал папа.

Родька едва успевал за Зойкой. Она такая вёрткая. А тут, как нарочно, пассажиры возвращались с палубы в свои каюты. Все разом, будто стоворились!

Мама-Капелькина уже ожидала дочь.

— Где ты носишься? — спросила она Зойку, которая, можно сказать, влетела в каюту. — Кто на тебе ехал? Да ты не одна! Проходи, Родион. Что за порогом стоишь?

Топало в каюте не было. Зойка опять ощутила это сразу же.

Родька вопросительно посмотрел на Зойку: непонятно, зачем они бежали сломя голову. Дальше-то что?

— Пойдём, — сказала Зойка. — Сейчас я тебя провожу.

— Да отдышитесь сначала! — сказала мама.

Но Зойка уже выскочила в коридор. Что дальше делать, она как раз не знала. И посоветоваться не с кем. Маме боялась сказать, а Родьке так вот, неожиданно, попробуй объясни, что домовый потерялся.

Капельками закапали слёзы. В другое время Родька бы сразу догадался, почему у неё фамилия Капелькина, но сейчас было не до шуток.

— В конце концов объясни, что происходит! — потребовал он.

— Потом.

— Потом — суп с котом!

Зойка не удостоила его ответом. «Где искать Топало?» — горько думала она. И вдруг её осенило: в машинном отделении! Он же туда рвался! Только как там его найти? Ведь вход посторонним воспрещён!

— Что ты молчишь? — спросил Родька.

— Некогда объяснять! — И Зойка снова побежала.

Родька не собирался от неё отставать.

Они стали спускаться вниз. А Топало в это время поднимался из машинного отделения вверх. Он увидел Зойку и сразу понял, что она его ищет.

— Здесь я! — виновато произнёс он, когда та спрыгнула со ступеньки.

Родька ошалело посмотрел на Зойку. В этом гуле ему ЧТО-ТО послышалось. Не иначе...

Зойка полезла обратно вверх. Родька — за ней, хотя не понимал, зачем он всё это делает. Лицо у Зойки было уже весёлое и даже хитрое. Она помахала ему рукой:

— До свидания!

Нет, Родька не собирался уходить несолоно хлебавши. Он загородил ей дорогу:

— Сама меня тащила куда-то, а сейчас бежишь. Рассказывай давай всё!

— Ты сам за мной бегал. — Зойка улыбнулась своей хитрой улыбочкой. — Чего мне рассказывать, мне рассказывать нечего.

— А какого Топало ты искала? Забыла? Кричала: «Топало, Топало!»

Рядом КТО-ТО глубоко вздохнул. Родька отпрыгнул, побледнел.

— Не бойся, — сказала Зойка. — Это Топало вздыхает. Потому что виноват!

— Виноват! — проскрипел голос.

У Родьки ноги подкосились. Он схватился за Зойку.

— Не бойся, — улыбнулась Зойка. — Топало добрый.

— Ка-акой Топало?

— Домовой. Только ты никому не говори. Это ужасная тайна.

У Родьки в голове всё сдвинулось. Он совершенно ничего не соображал. Его можно понять: не каждый день приходится знакомиться с домовыми.

— Я не верю в домовых! — произнёс он наконец первую фразу, которую сообразил.

И тут под ухом у него раздалось: «Мяу, мяу!» Точно так же, как в тот раз. И точно так же никакой кошки не было.

— Что ты его пугаешь! — шикнула на Топало Зойка.

— Ничего не пугаю. Я на кошачьем языке сказал ему: «Дурак!» В домовых он не верит!

«Значит, и тогда ОН мяукнул», — подумал Родька. Хотя кто — ОН? Неужели домовые существуют? Ведь КТО-ТО разговаривает с ним, это факт. Да ещё дураком называет, хотя и на кошачьем языке.

— Сейчас мы все трое будем дружить, — сказала довольная Зойка. — Вот весело будет! Правда, Родька?

Родька кивнул, хотя нельзя сказать, чтобы ему было весело.

— А ты, Топало, его не обижай. Знаю я твои шутки!

— Я и не обижаю. Сам больно шустрый. У них все такие шустрые были. Ефим-мельник шагом не ходил, всё бегом бегал.

— К-какой ме-мельник? — У Родьки язык заплетался.

— Не помнишь Ефима? Да у него мельница была поставлена ещё двести лет назад! Когда я на свет появился, он уже всю муку молот!

— Ну как он может помнить какого-то Ефима! — возмутилась Зойка.

— Какого-то! — передразнил её Топало. — Ефим-мельник! Известный человек! Уважаемый! От мельника все дети Мельниковы пошли.

— Значит, вы с Колей родственники! — Зойка ткнула Родьку в бок. — А ты говорил!..

— Всё позабывали! — проворчал Топало. — Сами себя не помнят!

Кто больной?

Мама уже собралась искать Родьку, когда он явился бледный, измученный загадками жизни. И сразу же бухнулся на диван. Голова кругом. Даже папа переполюшился.

— Нужно вызвать врача, — сказал он.

Уж если папа о враче заговорил, значит, дело плохо. Да и что может быть хорошего, если мальчик лежит и глядит в потолок, в одну точку. Ни на кого не реагирует.

Мама в отчаянии побежала за врачом. При этом чуть не сбила с ног Павла Михайловича Федулина. Он сразу понял: что-то случилось, и побежал вместе с ней: мало ли, нужна будет помощь. Павлу Михайловичу хотелось быть самым осведомлённым и самым необходимым человеком на теплоходе. Всем нужен Федулин! Федулин нарасхват! И врача первым нашёл, конечно, он!

Врач был молодой и весёлый.

— Кто больной? — спросил он, подмигнув Родьке.

Прослушав мальчика, врач сказал, что такого здорового ребёнка ещё никогда в жизни не встречал. Мама обиделась, папа остался доволен.

— Хороший аппетит — залог здоровья! — произнёс доктор и этим окончательно расположил к себе папу. Уходя, оставил аспирин на всякий случай: если здоровый — то не повредит, если больной — то поможет.

Родька аспирин не хотел глотать, но мама его заставила.

— Нервные пошли дети, — сказал Федулин. — Вот у меня внук во сне кричит, никакие врачи не помогают.

— Наш во сне не кричит, — сказала мама, опять немного обидевшись.

— Закричит ещё! — заверил Федулин.

Раскланявшись, он удалился.

Мама присела рядом с сыном:

— Всё-таки что с тобой?

Родька повернулся на живот и уткнулся лицом в подушку. «Сказать или не сказать?» Он дал слово, что будет хранить тайну... Но в то же время молчать очень трудно. А вдруг папа с мамой тоже были когда-то знакомы с домовыми, а ему просто не рассказывали?

Родька сел. Надо поговорить, это необходимо.

— Вы верите в домовых? — спросил он.

Папа с мамой переглянулись. Такого вопроса они не ожидали.

— Верите или не верите?

— При чём тут домовые? — улыбнулась мама.

— Вы не ответили на мой вопрос, — требовательно произнёс Родька.

— Могу тебе совершенно определённо сказать: мы с мамой не верим!

— И вы никогда, ни разу в жизни не встречались с домовыми?

— Как-то не привелось, — сказал папа.

— Что тебе вдруг дались домовые? — спросила мама.

— Всё понятно: это легенды Зойкиной деревни, — сделал вывод папа.

— Никакие не легенды! Я сам с ним познакомился.

— Ну и как он выглядит? — рассмеялся папа.

Родька стал смотреть в окно. Всё, больше он ничего говорить не будет. И так разболтался, не сдержал слово. Не верите — и не верьте!

— Не думал я, что у тебя в голове такая чепуха, — уже серьёзно сказал папа. — Мама изобрела робота Яшу, а ты придумываешь каких-то домовых.

При упоминании о роботе Яше мама сразу засветилась.

— Он такой сообразительный! — воскликнула она.

Мама очень гордилась своим роботом.

— Мой робот, — говорила она. — Мой Яша!

— За что ты его так любишь? — спрашивал папа, который не чувствовал к роботам душевной привязанности. — Живой он, что ли?

— Когда-нибудь я вас с ним познакомлю! — таинственно улыбалась мама.

Но папа с роботом не хотел знакомиться. А потом у Яши начались какие-то расстройства с памятью, и ему было не до знакомств. Мама так переживала, что похудела. Папа об этом Яше уже слышать не мог.

— Кто он в конце концов — член нашей семьи? Сейчас мы все из-за него начнём худеть, бледнеть, падать с ног.

Так говаривал папа. А сейчас он насчёт робота выражал с мамой полное согласие и хотел, чтоб его сын думал о научно-техническом прогрессе, а не о домовых.

— Наш Яша всех домовых заткнёт за пояс! — пошутил он.

Мама была довольна, что папа наконец сказал «наш Яша».

Родька ничего не имел против робота. Наоборот — всем рассказывал про него в школе и тоже гордился. У них в классе даже висел портрет Яши. Учительница сказала, что в будущем такие роботы будут и в их математической школе.

Но сейчас робот его совершенно не интересовал. И папа с мамой видели, что у Родьки на уме другое. Слушает их, а сам про своё думает. Что у него может быть «своё»?

«Явно с ним что-то происходит», — опять с беспокойством подумала мама. Она напоила его горячим чаем с клубничным вареньем, которое они захватили из дому, и уложила пораньше спать. Утро вечера мудренее.

А теплоход «Космонавт Савиных» всё шел вниз по Каме. Солнце уже село за горизонт. Смеркалось. Воздух постепенно остывал, и теплоход, нагретый за день, тоже остывал, успокаивался. На реке царила вечерняя тишина, когда не всплеснёт волна и птицы замолкают в предчувствии ночи, не шелохнутся деревья над водой.

В это время почти никто не сидел в каютах. Все гуляли, большие и маленькие, ещё мало знакомые друг с другом и уже перезнакомившиеся. И теплоход, населённый этими разными людьми, плыл по тихой широкой реке, не тревожа её покой.

Родькин сон

В эту ночь Родьке приснился такой сон. Будто стоит мельница в чистом поле и крутит крыльями. Мука мелется. А мельник Ефим сидит на бугорочке, бороду поглаживает. Борода вся белая, в муке.

Около него мальчик в длинной рубашке бегаёт. Очень похожий на Родьку. Даже волосы так же подстрижены — под горшок.

Вроде это внук мельника, а вроде это и сам Родька. И он — и не он.

— Ты бегать-то бегай, да нос не расшиби, — говорит ему дед Ефим. — Расшибёшь нос — тогда кто мельником будет? Мельницу придётся продавать. Так-то.

Родька старается сообразить: почему если он нос расшибёт, то мельницу придётся продавать? Но во сне долго думать некогда.

— Не расшибу нос! И мельником буду! — обещает он деду.

Тут прибежала чёрная собака и давай лаять. А Родька, он же внук мельника, вполне понимает, о чём собака лает.

— Ваш домовый запряг лошадь и на базар поехал, — сказала собака. — Вернётся к вечеру.

А Ефим-мельник сказал:

— Ну так и мы на базар съездим.

И Родька, который не совсем Родька, а внук мельника, сел на телегу и поехал на базар по равнине.

Невезучий капитан Петров

Над рекой висел густой утренний туман. Не видно ни земли, ни неба, ни воды. Очертания теплохода кажутся призрачными.

«Космонавт Савиных» стоял посередине реки, пережидая туман. Капитан Петров нетерпеливо прохаживался по рубке. Теплоход опаздывал уже на час. Пассажиры ещё спали и не подозревали о неподвижной стоянке.

Петров плывал капитаном первый сезон. И что-то ему не везло. В первом же рейсе сняли пассажира с подозрением на дизентерию. Немытые ягоды съел. Пассажир ничего, жив-здоров, а весь теплоход дезинфицировали. Комиссия нагрнула.

В следующем рейсе «Космонавт Савиных» чуть не наскочил на мель. В другой раз случилась буря. Штормило, как на море.

Сейчас вот туман без всякого предсказания метеорологов.

Команда посматривала на Петрова с сочувствием. Все видели: толковый капитан, но невезучий. А плавать с невезучим капитаном — значит, только и ждать какой-нибудь неприятности.

Петров знал, что он невезучий. Ещё в школе, если происходили какие-то недоразумения, то непременно с ним.

В девятом классе, например, он чуть не стал чемпионом города по бегу на длинную дистанцию. Но на последнем круге к нему пристала пчела. Пока он махался, его все обогнали, да ещё и глаз от укуса распух.

А в десятом классе он чуть не сыграл в шахматы с экс-чемпионом мира. Но в тот день, когда в клубе любителей шахмат состоялся этот знаменитый матч, он на ровном месте сломал ногу.

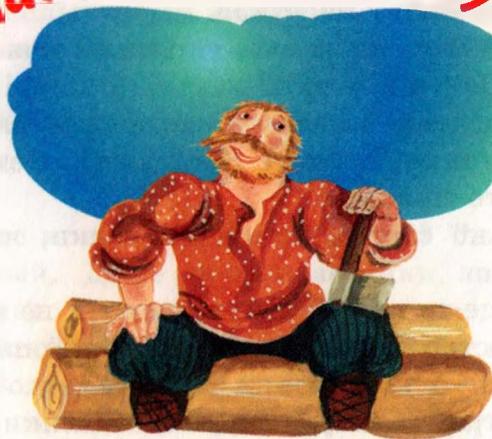
Потом он чуть не женился. Но оказалось, что девушка любит другого.

Невезучему человеку вообще жить невесело, а если плаваешь первый сезон капитаном на большом трёхпалубном теплоходе, то эти невезения создают впечатление, что ты плохой командир и тебя явно поторопились поставить на эту должность. Так думал про себя сам Петров. Он был очень самокритичный человек.

А поставили Петрова капитаном совсем не случайно, случайно вообще капитаном не ставят: реку он знал и не представлял себе, как можно без реки жить. С детства плавал с отцом (который тоже был капитаном) на маленьком катере с громким названием «Орёл». На «Орле» он и вырос, и потом работал матросом.

Петров смотрел в бинокль. Нет, ничего не видно. Туман как будто нарочно не расходился, чтобы осложнить жизнь капитану.

Туман, сплошной туман

Только домового на корабле и не хватало капитану Петрову!

В то время как он ходил по рубке, всматриваясь в туман, Топало тоже не спал, ворочался в своём углу.

— Опять туман! — бормотал он.

В те утренние часы, когда над землёй нависала сырая белая пелена, домового охватывало беспокойство. В голове у него возникала одна картина тех далёких времён, когда его и на свете не было. Кто-то в холщовой рубахе стучит топором, строит избу. Стучит, приговаривает: «Быть в избе доброму домовому, быть в избе доброму домовому!» А вокруг — туман облаками плывёт. И людей на Земле, видимо, ещё совсем немного. И домовых тоже.

Топало повздыхал, поворочался. Голова разболелась. Он посмотрел в иллюминатор: белым-бело. В такой туман недолго и мимо Ключей проплыть.

Вчера мама-Капелькина сказала:

— Ночью мы уже будем на Волге!

Это известие взволновало Топало. Значит, скоро будет посёлок Ключи. Теплоход пристанет к берегу, и он встре-

тится со своим другом Думало. Лишь бы туман не помешал.

Он подёргал Зойку за рукав.

— Чего тебе? — сквозь сон спросила она.

— Мы на Волге или нет?

Зойка потянулась в постели, села, протёрла глаза. Что-то непривычно тихо кругом. Догадалась: теплоход стоит! Значит, какая-то пристань.

Она тихонько слезла с верхней полки, чтоб не разбудить маму.

— Туманище-то какой! Ничегошеньки не видно! — прошептала она восторженно. В отличие от Топало, ей туман очень нравился.

Зойка быстро натянула чулки, ботинки, достала из шкапа курточку.

Проснулась мама.

— Ты куда спозаранку?

— На туман смотреть.

— Невидадь! — проворчал Топало.

Мама посмотрела в иллюминатор, тоже удивилась:

— Ну и туманище!

— А мы у какой-то пристани стоим, — сказала Зойка.

У мамы тоже сон пропал, и они с Зойкой пошли смотреть туман.

Топало затопал за ними, хотя туман и не любил. Но ему надо было выяснить, не заплыли ли они в какую-нибудь другую реку вместо Волги, ведь ничего не видно, можно и заблудиться. А вдруг они уже на пристани Ключи стоят?

Зойка с мамой осторожно продвигались по сырой скользкой палубе к носу корабля.

— Никакая это не пристань, — сказала мама. — Непонятно даже, далеко ли берег.

— И долго мы будем стоять?

— Пока туман не рассеется...

Даже не верилось, что туман может когда-то рассеяться: хоть вверх, хоть вниз смотри — кругом бело. Рубка, и та лишь расплывчатым контуром напоминает о себе.

— Это точно Волга? — опять спросил Топало.

— Нет, Дунай! — засмеялась Зойка. — А может, Енисей!

— Может, и Енисей. В такой туман куда угодно занесёт.

— Как нас может занести в Енисей? Ты, Топало, ужасно неграмотный. Даже первоклассники знают, что Кама впадает в Волгу.

Топало остался доволен, что они, даже если не плывут, то стоят на Волге, а не на Енисее или Дунае.

Теплоход опаздывал уже на полтора часа. Капитан Петров старался проявлять выдержку и спокойствие. Он решил, что ходить по рубке и смотреть в бинокль бесполезно. Нужно сесть и ждать, когда туман рассеется. Всё равно когда-нибудь это произойдёт.

Капитан Петров был прав. Настало время, когда туман наконец начал отделяться от воды и, как пар, подниматься вверх. Кое-где проглянуло голубое небо — маленькими яркими лоскуточками.

Становилось всё светлее и просторнее. Начали проявляться берега, деревья. Вначале нечёткие, размытые, словно не в фокусе.

Капитан встал у пульта управления. Заработали двигатели. Теплоход ожил.

— Ура! — закричала Зойка. — Мы поплыли!

Проглянуло солнце. Туман испарялся, становился лёгким, как дымка. Заблестела вода. Машины заработали яростнее. Корабль напрыгся и в полную силу рванулся вперёд.

Что за пристань — Ключи?

Зойка с интересом смотрела вокруг себя, стараясь ощутить, что она плывёт не где-нибудь, а по великой русской реке. Но вода была такая же, как в Каме. И так же, как по Каме, плыли по Волге баржи с плотами, курсировали трудяги-катера, проносились стремительные «Ракеты».

— Зойка, скоро будет пристань Ключи? — спросил Топало.

— А такая пристань есть?

— Есть!

— Как ты знаешь?

— Так и знаю!

Мама не очень вслушивалась, о чём говорят Зойка с Топало. Стояла, смотрела на реку, вспоминала, как она маленькая ездила с отцом на лодке, как бегала на угор за клубникой, как купалась поздно вечером. Речка Кутузовка у них небольшая, и вода в ней ночью, как парное молоко, тёплая. Только в темень, помнится, родители не пускали купаться. Омутов в Кутузовке много, а в омутах, сказывали, русалки живут. Выйдут — и утащат самую красивую девушку к себе в подружки, а самого красивого парня — в женихи. Но ни одна русалка так и не вышла на берег Кутузовки, никого к себе не сманила.

— А вот сейчас мы узнаем, есть ли пристань Ключи! — воскликнула Зойка.

Она увидела капитана Петрова. Утром он имел привычку осматривать теплоход. Конечно, она не знала, что это Петров и что он на самом деле капитан. Просто все, кто ходил на теплоходе в форме, были для неё капитаны.

— Товарищ капитан! — обратилась она. — Есть такая пристань Ключи?

— Да, есть, — сказал Петров. — Только мы к ней не пристаём. Маленькая пристань.

— Какие ещё Ключи? Что за глупые вопросы? Извините, пожалуйста! — смутилась мама.

— Почему глупые? — улыбнулся Петров. — Нормальные вопросы.

Улыбка у капитана была хорошая, открытая. Люди с такой улыбкой сразу вызывают доверие.

Мама ему тоже улыбнулась.

Капитан пошёл, как и полагается, бодрым шагом. «Славные пассажиры!» — подумал он.

— Пойдёмте в каюту, — сказала мама. — До завтрака можно ещё и поспать, а то поднялись ни свет ни заря.

— Что ты, мама, какой сон! — поразилась Зойка. — Ты иди отдохни, а мы с Топало ещё здесь постоим, посмотрим на Волгу.

— Мы ещё постоим, — подтвердил Топало.

Мама согласилась. Зойка была человеком самостоятельным, даже из деревни к ней в город одна приезжала. А на теплоходе её уже многие знали.

Мама ушла, а Зойка с Топало продолжали прерванный разговор.

— Странно, — сказала Зойка. — Не знаешь, где течёт река Волга, а пристань на Волге знаешь.

— Много на свете странного, — проскрипел Топало.

Он был очень расстроен. Значит, они проплывут мимо пристани Ключи, и он не увидит друга Думало?

Дырявые тапочки

На палубе уже начали появляться пассажиры. И тут только Зойка заметила, что Топало в тапочках.

— Ты с ума сошёл! — воскликнула она. — Снимай скорее тапочки!

— У меня ноги мёрзнут. Туман холодный.

— Да тумана уже нет! А если бы кто-нибудь увидел? Одни тапочки по палубе гуляют! В обморок упасть можно. Тебе бабушка что наказывала? Тише мыши!

— Не ругай меня. — Топало снял тапочки и отдал Зойке. — Мне хочется, чтобы иногда меня хоть чуток видно было, чтоб знали, что я есть.

— Ты забыл, что «зайцем» едешь!

— Никто меня не видит. Никто! — не обращая внимания на Зойкины слова, продолжал Топало. — А знаешь, какой я красавец!

— Как ты можешь быть красавцем, если невидимый?

— Чувствую, что красавец!

— Тогда Расскажи, какой ты красавец?

— Чёрные глаза, чёрные усы, чёрные кудри. Как у Гришки-ямщика.

— Какого ямщика?

— Лет сто назад Гришка почту возил.

— Почему, Топало, тебе красавцем захотелось стать?

— Чтоб все смотрели и восхищались. Я бы шляпу носил и лаковые ботинки. А тут даже тапочки надеть нельзя.

— Но ты же домовой!

— Знаю, не первый год живу.

У Топало совсем испортилось настроение: Зойка, и та его не понимает. И захотелось ему домой, в деревню Кутузы, к бабке Дусе. Там мог он и в валенках, и в шляпе ходить, печку топить, за козой Манькой смотреть. Хоть и невидимый, но как бы видимый. Без него бабушка как без рук. А здесь лишний раз не кашляни. Как будто его нет, а ведь на самом деле он есть.

Первый раз в жизни Топало покинул свою деревню. Первый раз оказался в гуще незнакомых людей. И первый раз ему захотелось стать обыкновенным человеком. Гулять по палубе, насвистывая песенку, вести разговоры про погоду и футбол, громко смеяться, если рассмешат.

Но ничего такого с домовым происходить не может. И даже его заветная мечта — повидаться с другом Думало — неужели так и не исполнится?

— Эгей! Зойка! — На палубе появился Родька. — Ты чего тут одна стоишь?

— Мы вдвоём, — подал голос Топало.

Родька открыл рот, но так ничего и не произнёс. Топало хлопнул его по плечу. Родька вздрогнул.

— Опять испугался? — рассмеялась Зойка.

— Не испугался. Просто трудно привыкнуть, — признался Родька. — Я же точно знаю, что домовых нет.

— Много ты знаешь! — прокрипел Топало. — Не больше козы Маньки. Она тоже воображает, что много знает.

— Кто воображает? Коза? — не поверил Родька и в то же время оскорбился, что его с какой-то козой сравнивают.

— А кто ж ещё? Манька, коза, — сказал Топало. — Как начнёт задаваться!

— Хватит тебе про козу, — перебила Зойка.

— А чего он задаётся, как Манька? Я уже сто пятьдесят лет живу, а он точно знает, что домовых нет!

— Наверное, ты относишься к загадочным явлениям природы, — решил Родька, стараясь не ударить в грязь лицом.

— Может, и к загадочным. Мне-то что. Живу себе...

Родька понемногу успокоился, перестал испуганно ози- раться. «Если есть на свете кошки, собаки, медузы, воро- бьи, то почему не быть домовому?» — подумал он. Как- никак в математической школе его учили мыслить логически.

Родька пришёл также к заключению, что Зойка дав- ненько по палубе гуляет, поскольку на ней ботинки, чулки да ещё куртка. Но почему она большие тапочки с собой носит?

— Это что у тебя за экспонат? Для музея? — спросил он, стараясь не выказывать излишнее любопытство.

— Не трогай мои тапочки! — сказал Топало.

— Твои? — удивился Родька. — Разве ты в тапочках ходишь?

— Хочу — хожу, хочу — нет.

— Он очень любит ходить в тапочках, — вздохнула Зойка. — А ему нельзя. Вдруг увидят: одни тапочки по па- лубе шлёпают.

— Вот здорово! — У Родьки глаза загорелись. — Вот умора! Давай всех напугаем!

— Я сказала: нельзя!

Родька потянул у неё тапочки:

— Чего ты трусишь! Пусть наденет. Ты видала в цирке аттракцион «Человек-невидимка»?

— Не видела.

— То-то и оно, что не видела! Там тоже один пиджак по манежу ходит!

— Домовой? — взволновался Топало.

— Никакой не домовой. Законы физики. Там знаете сколько техники! Одних инженеров человек пятьдесят! — Родька снова потянул тапочки, но Зойка спрятала их за спину.

— Нельзя!

— Заладила: нельзя, нельзя! А в цирке можно?

— В цирке понарошку, — сказала Зойка. — А над Топало нечего смеяться. Понятно?

— А зачем он тогда нужен? Если бы у меня был домовой, я бы в школе такое устроил!..

И тут он почувствовал, как его приподняли над палубой и тотчас отпустили, как будто он сам подпрыгнул.

— Вот брошу в воду, — спокойно сказал Топало.

Родька надулся. Зойке тоже не хотелось с ним разговаривать. Они стояли, отвернувшись друг от друга.

Будущие капитаны

В это время мимо них снова проходил капитан Петров.

— Что такие невесёлые? — спросил он. — Никак, поспорились?

— Немного, — призналась Зойка. — Товарищ капитан, а девочек в капитаны берут? — спросила она.

Родька хмыкнул, всем своим видом показывая, что уж он-то бы таких глупых вопросов не стал задавать.

— Берут. Особо настойчивых.

— Я — особо. А можно в рубку заглянуть? Только одним глазком!

— Ну если одним! Что ж, пойдёмте!

Родька поплёлся за ними. Опять эта Зойка вперёд выскочила!

Они поднялись на самую верхнюю палубу, куда посторонним вход воспрещён. Ребята уже пытались там однажды погулять, но их быстренько оттуда погнали. А сейчас сам капитан шёл рядом с ними.

С палубы было видно всё вокруг далеко-далеко. На правом берегу — поля, на левом, крутом, — леса, а впереди — река, бегущая к горизонту.

Зойка стояла и с восхищением смотрела на эту широту. Она и забыла, что у неё под мышкой тапочки.

Петров открыл дверь рубки и пригласил ребят.

— Будущих капитанов привёл, — сказал он седому штурману.

Штурман ничего не ответил. Он вёл корабль. И, конечно, не подозревал, что вместе с будущими капитанами в рубку вошёл домовый.

Ребята огляделись. Сколько различных приборов! Рычаги какие-то, кнопки.

— А где колесо? — спросила Зойка. — Должно быть колесо.

— Это раньше был штурвал, — объяснил капитан Петров. — А сейчас — пульт управления. Видите кнопочки? Нажмёшь на красную — теплоход поплывёт вправо, нажмёшь на зелёную — влево.

— А если надо остановиться или быстро плыть? — спросила Зойка.

— На это есть рычаги. Вот они, видите?

Седой штурман Иван Васильевич Карпов держал в руках рычаги управления, не вступая в разговор. И вдруг ему показалось, что за спиной его кто-то стоит и пыхтит у левого уха. Он оглянулся. Пыхтение прекратилось. Штурман потёр ухо и решил, что во всём оно виновато: не то слышит. Потом то же самое произошло с правым ухом. Седой штурман потёр правое ухо. Что за наваждение?

В это время капитан Петров подвёл ребят к карте, на которой были указаны даже самые маленькие пристани.

— Вот и ваши Ключи, — показал капитан.

И тут ему почудилось то же самое, что и штурману. Он тоже оглянулся, никого не увидел и смущённо покашлял.

— Так что скоро будут ваши Ключи, — сказал он и снова почувствовал, что за спиной кто-то есть. — М-да... — Он посмотрел на расписание. — Проплываем мимо них завтра утром в восемь тридцать.

Зойка видела, что капитан вдруг стал рассеянным и вроде всё к чему-то прислушивается. Понятно, к чему: мало того, что Топало проник в рубку, так он ещё и пыхтит. Они с Родькой понимающе переглянулись. Надо было скорее уходить, пока домовой окончательно себя не выдал.

— Большое спасибо, — поблагодарила Зойка.

Капитан Петров пожал им руки, но лицо его было бледнее обычного. А у седого штурмана заболела голова, в висках застучало.

Ребята спустились на палубу.

— Топало, ты зачем с нами пошёл? — сердито спросила Зойка. — Кто тебя звал?

— Дождись, когда позовут, — проскрипел Топало.

— А здорово капитан побледнел! — рассмеялся Родька, забыв, что совсем недавно он бледнел точно так же, а может быть, даже больше.

— Кому нравится, если у тебя за спиной пыхтят! — вступилась за капитана Зойка.

Родька хмыкнул, всем своим видом показывая, что уж он-то бы таких глупых вопросов не стал задавать.

— Берут. Особо настойчивых.

— Я — особо. А можно в рубку заглянуть? Только одним глазком!

— Ну если одним! Что ж, пойдёмте!

Родька поплёлся за ними. Опять эта Зойка вперёд выскочила!

Они поднялись на самую верхнюю палубу, куда посторонним вход воспрещён. Ребята уже пытались там однажды погулять, но их быстренько оттуда погнали. А сейчас сам капитан шёл рядом с ними.

С палубы было видно всё вокруг далеко-далеко. На правом берегу — поля, на левом, крутом, — леса, а впереди — река, бегущая к горизонту.

Зойка стояла и с восхищением смотрела на эту широту. Она и забыла, что у неё под мышкой тапочки.

Петров открыл дверь рубки и пригласил ребят.

— Будущих капитанов привёл, — сказал он седому штурману.

Штурман ничего не ответил. Он вёл корабль. И, конечно, не подозревал, что вместе с будущими капитанами в рубку вошёл домовой.

Ребята огляделись. Сколько различных приборов! Рычаги какие-то, кнопки.

— А где колесо? — спросила Зойка. — Должно быть колесо.

— Это раньше был штурвал, — объяснил капитан Петров. — А сейчас — пульт управления. Видите кнопочки? Нажмёшь на красную — теплоход поплывёт вправо, нажмёшь на зелёную — влево.

— А если надо остановиться или быстро плыть? — спросила Зойка.

— На это есть рычаги. Вот они, видите?

Седой штурман Иван Васильевич Карпов держал в руках рычаги управления, не вступая в разговор. И вдруг ему показалось, что за спиной его кто-то стоит и пыхтит у левого уха. Он оглянулся. Пыхтение прекратилось. Штурман потёр ухо и решил, что во всём оно виновато: не то слышит. Потом то же самое произошло с правым ухом. Седой штурман потёр правое ухо. Что за наваждение?

В это время капитан Петров подвёл ребят к карте, на которой были указаны даже самые маленькие пристани.

— Вот и ваши Ключи, — показал капитан.

И тут ему почудилось то же самое, что и штурману. Он тоже оглянулся, никого не увидел и смущённо покашлял.

— Так что скоро будут ваши Ключи, — сказал он и снова почувствовал, что за спиной кто-то есть. — М-да... — Он посмотрел на расписание. — Проплываем мимо них завтра утром в восемь тридцать.

Зойка видела, что капитан вдруг стал рассеянным и вроде всё к чему-то прислушивается. Понятно, к чему: мало того, что Топало проник в рубку, так он ещё и пыхтит. Они с Родькой понимающе переглянулись. Надо было скорее уходить, пока домовой окончательно себя не выдал.

— Большое спасибо, — поблагодарила Зойка.

Капитан Петров пожал им руки, но лицо его было бледнее обычного. А у седого штурмана заболела голова, в висках застучало.

Ребята спустились на палубу.

— Топало, ты зачем с нами пошёл? — сердито спросила Зойка. — Кто тебя звал?

— Дождись, когда позовут, — проскрипел Топало.

— А здорово капитан побледнел! — рассмеялся Родька, забыв, что совсем недавно он бледнел точно так же, а может быть, даже больше.

— Кому нравится, если у тебя за спиной пыхтят! — вступилась за капитана Зойка.

Федулин подозревает

Родька заметил на палубе родителей. Они явно высматривали сына. Вместе с ними стоял Павел Михайлович Федулин. Он тоже помогал высматривать. И первый увидел.

— Вот они, голубчики!

— Ни за что не догадаетесь, где мы были! — воскликнул Родька.

— И догадываться не будем! — Федулин погрозил пальцем. — Нельзя детям одним бегать по теплоходу!

— Мы не бегали! Мы были в рубке! Нас сам капитан пригласил!

— Интересно! — оживился папа. — В следующий раз возьмите нас с собой.

— Обязательно возьмём! — пообещала Зойка. — Ой, я уже зажарилась! — Она стащила с себя курточку и вернула в неё тапочки.

— Я потому так тепло одета, что утром такой туман был, такой туман! — пояснила она, заметив удивлённый взгляд Родькиной мамы. — Ну я побежала!

— Занятная девочка, — произнес Федулин. — Очень занятная. Не скажете, почему она ходит с тапочками?

— Так надо, значит, — пожал плечами папа.

— Нет, так не надо! — возразил Федулин, отчего-то нервничая, а когда он нервничал, то говорил громко и быстро. — У них, я вам скажу, занятная семейка. Со странностями семейка!

— По-моему, милые люди, — сказала мама.

— Не спорю — не люблю спорить! Возможно, милые, но со странностями!

— Что-то никаких странностей я не замечаю, — сказал папа.

— Это вы не замечаете, а я замечаю, потому что живу напротив!

— Так какие же странности? — спросила мама.

— А чьи это тапочки, большие и дырявые? — спросил Федулин. — И почему девочка с ними ходит? Это разве не странность?

Мама, как и папа, пожала плечами.

— Странно, конечно, — неуверенно сказала она.

— Вот видите — и вы произнесли «странно». Не хотели, а произнесли!

— Дались вам эти тапочки, — зевнул папа.

— И не только тапочки... — Федулину хотелось поведать о многих странностях, которые он замечал в каюте номер сто два, но ничего определённого сказать не смог. То ему слышались какие-то непонятные шаги (выглянет из каюты — никого нет), то некий скрипучий голос. Что-то всё ему слышится, слышится... А что — непонятно.

Родька внимательно слушал разговор. Неужели Федулин подозревает? Хотя представить, что в каюте напротив едет домовой, он уж никак не может.

Так ничего и не объяснив толком, Федулин ушёл расстроенный.

— Я не приду к завтраку! — предупредил он. — Аппетита нет.

— Давайте и мы будем пить чай в каюте, — предложил Родька. — Папа говорит, много есть вредно, растолстеем за восемнадцать суток.

Папе ничего не оставалось, как поддержать Родьку. Мама сказала, что всё зависит от нервной системы — кто толстый, кто тонкий. Если папа не будет есть даже целыми днями, то всё равно не похудеет, потому что он совершенно спокойно ко всему относится, а она, сколько бы ни ела, всё равно толстой не будет, потому что любая мелочь на неё действует.

— А я? — спросил Родька. — Буду толстый или тонкий?

— Ты весь в меня! — вздохнула мама.

Теплоход плыл по Волге к Каспийскому морю, а они сидели в каюте и пили чай. Папа при этом читал книгу «Пейзаж будущего». Он и в отпуске не забывал, что должен написать статью «Человек — преобразователь природы».

— Что-то нам Павел Михайлович такое загадочное хотел сообщить, но так и не сообщил, — сказала мама. — Некую тайну дырявых тапочек.

— Я знаю эту тайну, но не скажу! — заявил Родька.

— Может быть, она украла эти тапочки? — в шутку спросила мама.

— Зачем ей красть тапочки, да ещё дырявые! — засмеялся Родька. — А вам не пришло в голову, что они едут не вдвоём, а втроём?

— Что не пришло, то не пришло, — сказал папа, не отрываясь от книги. — И кто же третий?

— Это и есть тайна!

— Наверное, какой-нибудь преступник, и они его прячут в каюте, — сказала мама.

— Смеётесь?! А его и прятать не надо. Он — невидимый!

— Это не тот ли самый домовой, с которым ты познакомился? — спросил папа.

— Тот самый.

Родька понял, что опять проболтался. Ни слова больше от него не добьются.

А родители и не собирались допытывать его расспросами. Детская психология им была понятна: дети выдумывают разные истории и в них верят. Им, взрослым, в детские игры уже не играть. А иногда хотелось бы вот так же, как Родька, поверить, что на теплоходе едет невидимка. Папа даже вздохнул. Да и маме что-то взгрустнулось.

Настоящий друг

Теплоход сбавил ход и стал медленно поворачивать к берегу. Пассажиры уже облепили правый борт, ожидая причала. Объявили стоянку сорок минут.

— Желающие могут искупаться!

Родька с Зойкой, конечно, были желающие. Они с нетерпением вглядывались в приближающуюся пристань. Небольшой городок, раскинувшийся на берегу, спускался своей прибрежной улицей прямо к реке.

— Мама наказала Топало, и он будет до вечера сидеть в каюте, — грустно сказала Зойка.

— За что?

— За то, что в тапочках гулял.

— Очень ему нужно в каюте сидеть. Если его закроешь, он сквозь стену пройдёт, — уверенно сказал Родька.

— Какой ты смешной! Топало не ходит сквозь стены. Он такой же, как мы, только невидимый. Ну, может, не совсем такой, но всё равно такой.

— Ну какой такой? — с любопытством спросил Родька. — Мне кажется, он с бородой и огромного роста.

— Он красивый, — улыбнулась Зойка. — Глаза чёрные, усы чёрные, кудри чёрные. И среднего роста.

Родька хмыкнул:

— Откуда ты знаешь, если никогда не видела?

— Вот и знаю!

Теплоход осторожно подходил к пристани, примеряясь, как бы помягче прижаться боком к дебаркадеру.

Матросы бросили на дебаркадер канаты, там их поймали, зацепили, и теплоход, дёрнувшись, остановился.

«Такого большого, и привязали!» — подумала Зойка, наблюдая, как натягиваются канаты.

— Я всё-таки уговорю маму, чтоб отпустила Топало, — шепнула она Родьке на ухо. — Подожди меня на берегу.

На небольшой площади, в ожидании теплохода, заранее заняли свои места торговцы ягодами, огурцами, свежей и вяленой рыбой. Как только появились пассажиры, тут же рынок ожил, зашумел. Недалеко от пристани был дикий пляж. Мельниковы и многие другие пассажиры направились туда.

— А вот и мы! — Зойка нагнала Родьку. — Я и Топало. Мама его простила. А сама она не хочет купаться.

Родька на ходу снял футболку. Зойка тоже стащила сарафанчик.

— Какой ты белый! — Зойка хлопнула его по спине. — Солнце к тебе плохо пристаёт.

По сравнению с её коричнево-золотистой спиной Родькина спина и правда выглядела белой, не говоря уже про живот.

— А я с бабушкой на сенокосе так прямо сгорела! Вечером меня бабушка всю-всю сметаной вымазала, чтоб кожа не сошла. Знаешь, какая я смешная была!

Родька и Зойка обогнали всех и прибежали на пляж первыми. Они заняли место под кустом ивы.

Топало шёл не спеша: не маленький, чтобы бегать.

В воде барахтались местные мальчишки. Родька не стал ждать, когда придут родители. Он разбежался и хотел нырнуть, но вместо этого плюхнулся в воду прямо животом. Только брызги полетели. Мальчишки засмеялись:

— Эй ты, бегемот!

Родька ничего не ответил. Сейчас он докажет, что тоже умеет плавать.

У берега было неглубоко, до пупа, а дальше дно покато уходило вглубь. Родька смело бросился в воду.

— Не плавай далеко! — крикнула Зойка.

Но Родька ничего не слышал. Он изо всех сил стучал по воде руками и ногами и вытягивал шею, чтоб не нахлебаться воды. Плавать он научился только в прошлом году.

А Зойка легко держалась на воде. Она легла на спину и замерла, прищурив глаза. Они были точно такого же цвета, как вода, — зелёные, с тёмными ободками. А небо над Зойкой — чистое, голубое, и в него можно долго-долго смотреть, покачиваясь на волнах.

Зойка даже не припомнит, когда она научилась плавать, ей казалось, что она умела это делать всегда. Как рыбка.

Девочка повернулась на живот, осмотрелась: где Родька? И увидела, что он заплыл далеко. Она быстро поплыла вслед за ним, догнала.

— Поворачивай назад! — сказала Зойка.

Она видела, что Родька плавает плохо, и сейчас ругала себя за то, что отпустила его, проглядела.

Родька оглянулся назад, и ему стало страшно: до берега было далеко, а он уже устал. Зойка увидела, как округлились в испуге его глаза. В воде испугаться — это всё, последнее дело.

— Давай я тебя подержу, ты отдохни, не булькай всё время ногами, — как можно спокойнее сказала она.

Но мальчику казалось: стоит только на мгновение перестать двигать руками и ногами, как он тут же пойдёт на дно. Но и двигать он уже был не в состоянии. Страх, что до берега далеко, не доплыть, лишал его последних сил.

А папа и мама Мельниковы не торопясь шли на пляж. По дороге им встретился местный житель, и мама поговорила с ним об урожае, о засушливом лете.

Когда пришли на пляж, вначале они поискали сына среди тех, кто сидел на песке. Таких было немного. Потом среди тех, кто бултыхался у берега. Но Родьки не увидели ни тут, ни там.

— Да вон же он! — воскликнул папа.

— Скорее, скорее за ним, он утонет! — закричала мама.

Папа стал торопливо раздеваться, но от волнения никак не мог расстегнуть рубашку и в конце концов оторвал пуговицу.

Топало сидел в тени, под кустом ивы, и дремал. Услышав испуганные возгласы Родькиной мамы, он тут же сообразил, в чём дело. Пока папа-Мельников рвал пуговицу, он бросился на помощь Родьке.

И вот на глазах у всех прямо от берега по воде прошла дорожка, как будто кто-то двигался с большой скоростью, оставляя след.

В одно мгновение Топало оказался рядом с Родькой и подхватил его.

— Молодец, Топало! — обрадовалась Зойка.

Родька тут же успокоился. Наконец-то можно не двигать ни рукой, ни ногой, а лежать на воде, как на подушке.

— Спасибо, Топало! — тихо произнёс он. — Ты настоящий друг.

— Молчи уж, — проворчал Топало.

— Держись, Родька, держись! — крикнул папа, подплывая к нему.

— Он держится, — сказала Зойка.

К удивлению папы, Родька действительно держался и при этом каким-то странным образом: просто лежал на воде, руки и ноги на поверхности. Но разбираться было некогда.

Родька вцепился папе в плечи, и они поплыли. Зойка рядом, а Топало за ними, тихонько, чтоб никто внимания не обращал. Они благополучно добрались до берега.

— А он молодец! — сказал папа взволнованной маме. — Даже и не думал паниковать. Лежал спокойно... — Тут папа призадумался, вспомнив, как необычно Родька держался в воде.

А на пляже ещё обсуждали странное явление, возникшее на реке.

Только Мельниковы не принимали участия в обсуждении: они были довольны, что всё кончилось благополучно. Мама даже похвалила папу за его быстроту и ловкость.

Пора было возвращаться на теплоход. Пляж снова опустел, опять остались только местные мальчишки. Они глядели вслед пассажирам, и им тоже хотелось уплыть на этом теплоходе.

Летающие рыбы

В это время Зойкина мама Валя Капелькина сидела на скамеечке и душевно беседовала с капитаном Петровым, который тоже сошёл на берег прогуляться.

— Вот вишню опять купила, — говорила мама-Капелькина. — Зоя её очень любит.

— Славная у вас дочка, — отвечал капитан Петров.

— У вас такая трудная работа, устаёте, наверное? — спрашивала мама-Капелькина.

— Нормальная работа, — улыбался капитан.

Зойкина мама тоже улыбалась.

Зойка очень обрадовалась, увидев, что мама сидит на одной скамеечке с капитаном. Она тут же присела рядом с ними.

А семья Мельниковых пошла на рынок. Родька всё время оглядывался. Ему тоже очень хотелось посидеть с капитаном. Но мама тянула его за собой.

Торговля на рынке уже пошла на спад, но как только появились отдыхающие с пляжа, торговцы снова оживились.

— Покупайте окуня, свежего окуня! — закричал загорелый парень в майке. — Только что поймал!

— А вот и купим! — К парню подходил Павел Михайлович Федулин.

Мельниковы тоже подошли посмотреть на окуня.

— С килограмм будет, не меньше! — хвастался парень. — До того силён, чуть не ушёл.

Окунь бился в ведре с водой. Он то затихал, то с новой силой выбрасывал своё тело вверх, отчаянно пытаясь вырваться из плена.

— Попросим повара, чтоб для всего нашего стола сварили уху, — сказал Федулин.

— Вы возьмите вместе с ведёрком, — сказал продавец Федулину. — Отдадите повару окуня и ведёрко вернёте, по дождю.

Федулин взял ведро с рыбой и очень довольный пошёл на теплоход.

— Ждём вас, товарищ капитан, на уху, — пригласил он Петрова, проходя мимо.

Топало тоже услышал эти слова. Он подошёл к Федулину, заглянул в ведро.

— Будет тебе уха! — пробормотал Топало.

И вдруг на глазах изумлённого Федулина окунь выпрыгнул из ведра, пролетел, как на крыльях, несколько метров и ушёл в воду.

— Будет тебе уха! — снова пробормотал Топало.

— Летающая рыба! — прошептал Федулин. Ноги его подкосились, и он опустился на землю.

Капитан Петров сидел не двигаясь. Да, он тоже собственными

глазами видел, как рыба выпрыгнула из ведра, сверкнула на солнце и полетела к воде. Видел, но поверить сам себе не мог. Он покосился сначала на Зойку, потом на её маму. Они улыбались как ни в чём не бывало. Капитан потёр лоб, стараясь привести свою голову в порядок.

Зойке очень хотелось сказать капитану, чтобы он не переживал, что рыбу выбросил из ведра Топало, но ничего такого она сказать не могла и поэтому делала вид, будто ничего не происходит.

Топало между тем шёл по рынку. Он не на шутку рассердился. Опять эти рыбы попались на крючок! Какие же глупые, какие доверчивые! В реке Кутузовке он одного леща три раза спасал, так нет — четвёртый раз на червячка клюнул. А в расставленные сети они просто стаями идут!

Рыбаки не раз приходили к бабушке Дусе, жаловались:

— Опять домовой нашу рыбу в реку выбросил!

На что домовой отвечал:

— Никакая она не ваша.

Когда на реке собирались сети ставить, выходил Топало на берег, призывал самую главную рыбу — усатого сома.

— Сети будут ставить, — предупреждал он.

И ни одной рыбки не доставали рыбаки в сетях. А по всему этому в окрестностях деревни Кутузы совсем перестали рыбачить.

Топало шёл по рынку, заглядывал в ведёрки и выбрасывал из них рыбу в реку.

На рынке произошёл страшный переполох. Кто-то вскопчил с места, кто-то застыл на месте. Кто-то кричал: «Рыба летит, рыба летит!» Кто-то слова произнести не мог.

Команда теплохода тоже с изумлением смотрела на это невероятное зрелище. Седой штурман Карпов плывал двадцать лет, а такого ещё не видал и от других не слышал.

Наука победит!

Происшествие на берегу взволновало весь теплоход. Только об этом и были разговоры. Тут все окончательно перознакомились друг с другом, сплотились.

Павел Михайлович был в центре события. К нему подходили, хлопали по плечу, как будто он вернулся из опасного путешествия жив и невредим.

А Федулин тем временем вспоминал всё больше и больше подробностей. Он, например, вспомнил, что рыба как будто заговорила человеческим голосом: «Будет тебе уха!»

Капелькины в основном сидели в каюте и старались не слушать разговоры. Мама была подавлена.

— Вот видишь, что ты устроил! Сейчас хоть на палубу не выходи!

— Он не виноват! — защищала Зойка. — Он рыбу спас!

— Этот Федулин её хотел съесть, — сказал Топало возмущённо.

— Для того и рыба, чтоб её есть, — заметила мама.

— Не для того, — возразил Топало.

— А для чего? Для чего тогда она?

— Ни для чего. Живёт себе...

Вечером на шлюпочной палубе, где обычно проходят концерты, собралась стихийная пресс-конференция.

Павел Михайлович восседал на сцене, нога на ногу. Он был счастлив. Сейчас весь теплоход знал его в лицо. «Федулин, Федулин, Федулин!» — носилось в воздухе.

«Раньше-то, бывало, пройдёшь бочком, никто тебя и не заметит, — думал Павел Михайлович. — А сейчас сижу на сцене, интервью даю».

Вот так неожиданно-негаданно поворачивается судьба!

Павлу Михайловичу задавали множество вопросов, даже спросили, женат ли, на что он ответил очень остроумно: «Уже не женат!» Да и на все другие вопросы он отвечал с некоторой долей юмора, чуть снисходительно, но тем не менее вполне уважительно к публике.

— А правда, что окунь говорил человеческим голосом? — этот вопрос был, конечно, самым злободневным.

— Может быть, может быть... — отвечал Федулин. — Всё может быть! Я признаюсь: мне послышалось, что окунь сказал: «Будет тебе уха!»

Кто-то засмеялся, на него зашикали. Всем очень хотелось, чтобы рыба говорила человеческим голосом.

Мельниковы, поприсутствовав на пресс-конференции, вернулись в каюту. Они были люди здравомыслящие и в говорящую рыбу не верили.

— А в летающую? — спросил Родька.

И в летающую они тоже не верили, но тем не менее видели это своими глазами.

— Вообще-то летающие рыбы существуют, — сказал папа. — Где-то в океане... Но не думаю, чтобы они выпрыгивали прямо из вёдер и всем своим видом напоминали окуня.

— Я убеждена, что это аномальное явление местного характера, — твёрдо сказала мама.

Тут папа опять вспомнил, как Родька странно лежал на поверхности воды, и подумал, что, возможно, мама права, в этой местности что-то происходит. Как философ он признавал, что природа полна загадок. Папа к загадкам природы теоретически был подготовлен. Но практически он ожидал чего-то другого, не летающих рыб.

— Никакое это не аномальное явление, — сказал Родька.

— Что же это такое? — спросила мама, хотя понимала, что Родька на такой вопрос не ответит.

— Это тайна.

— Что-то слишком много тайн, — сказал папа. — То домовой, то Зойкины тапочки, то летающая рыба.

— А это одна и та же тайна.

— Может быть, ты нам объяснишь?

— Я объяснял, но вы не верите. Но если хотите, чтобы я ещё раз объяснил, то поклянитесь, что никому не скажете.

Мама с папой переглянулись и тут же поклялись.

— Всё это устроил домовой, — спокойно сказал Родька. — И зовут его Топало.

— Вы с Зойкой слишком много фантазируете, — сказала мама.

— Фантазируем? А кто меня сегодня спас, когда я чуть не утонул?

— Папа. Кто же ещё!

— Папа, ты ведь знаешь, что я был уже спасён! Просто лежал и отдыхал.

— Что-то такое было... — неуверенно произнёс папа.

— А летающие рыбы? Да их просто Топало выбрасывал из вёдер! Пусть живут!

— Логично, логично, только всё это сказка. — Папа стал ходить по каюте. «Странностей, конечно, слишком много, — думал он. — И все они необъяснимы. Но ничего... Наука победит!»

Мама тоже стала ходить по каюте. «Мало ли что происходит с рыбами, — думала она. — Вот что происходит с Родькой? Кажется, он серьёзно верит в домового».

Ходить вдвоём по каюте было тесно. Папа сел.

Мимо окна проходили пассажиры, говорили только про летающих рыб. Иные стояли у борта и всё ждали, не полетит ли ещё какая-нибудь рыбка. Но рыбы больше не летали.

— Жаль, не поели ухи, — сказала мама, чтоб разрядить напряжённую обстановку.

— Свежую рыбу сейчас на каждой пристани будут продавать, — заметил папа.

— Всю выловят, — мрачно произнёс Родька.

— На твой век хватит, — успокоила мама.

Папа оживился, стал листать книгу «Пейзаж будущего». Видимо, что-то вспомнил.

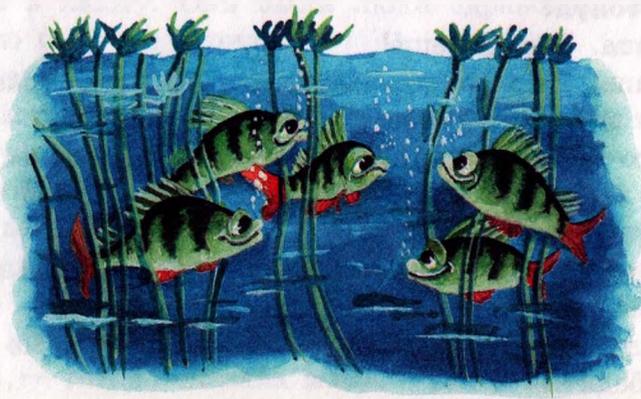
— Я прочитал, что нашли ископаемую рыбку, у которой были и жабры, и лёгкие!

— Ну и что? — Мама ничуть не удивилась.

— А то, что она могла жить в воде и на земле! Какое совершенство! И исчезла. Бесследно исчезла!

— И окуни исчезнут, — сказал Родька.

— Окуней на всех хватит, — ещё раз успокоила его мама.

Мамин сон

В отличие от папы, маме сны снились каждую ночь. Она их все помнила и, когда приходила на работу, рассказывала. На работе у них вообще любили рассказывать сны.

Итак, приснилась маме большая площадь. На площади — множество народа. И все плачут. У каждого в руке платочек, и каждый платочком слёзы вытирает.

— Что случилось? — спрашивает мама.

Никто не отвечает. Тишина на площади.

— Слушайте реквием по Харитону! — объявляют по радио.

Мама понимает: скончался какой-то Харитон.

— Кто такой? — спрашивает она.

И вдруг слышит в ответ:

— Последний окунь! Мы никогда не забудем тебя, Харитон!

— Разве у окуней есть имя?

— Раньше не было. А когда их осталось всего пять, то всем имена дали: Платон, Антон, Агафон, Парамон. И вот последний — Харитон.

На площади появилась траурная процессия. Впереди несли венки. Затем открылся траурный митинг.

— Природа понесла большую утрату, — рыдая, говорили выступающие. — Окуней больше нет!

В числе провожающих Харитона в последний путь был и робот Яша.

— Почему все плачут? — спросил Яша. — Я вам создам окуня лучше прежнего. Механического!

Герой дня

И весь следующий день, до самого вечера, теплоход жил разговорами о летающих рыбах. Павел Михайлович Федулин уже бесчисленное количество раз рассказывал эту невероятную историю. Зойка время от времени похихикивала, а мама-Капелькина даже не улыбалась. Ей очень хотелось, чтоб Федулин замолчал. Но он не собирался молчать.

— Окунь произнёс человеческим голосом «Будет тебе уха!» — клялся он.

— Уж не домовой ли с вами шутки шутил? — спросил

папа, посмеиваясь. Он сидел на палубе в своём любимом деревянном кресле и смотрел на заход солнца.

Федулин захохотал. А мама-Капелькина вся напряглась и произнесла:

— Какая сегодня хорошая погода!

Но погодой никто не заинтересовался, потому что она всё время стояла хорошая. А папа продолжал:

— С этими домовыми надо держать ухо востро! Они что-нибудь да выкинут!

И в этот момент он почувствовал, что вместе с креслом приподнялся в воздух и тут же опустился. Родька и Зойка переглянулись, но сделали вид, что не заметили. Мама тоже видела, что папа как бы приподнялся и опустился. Но всё это произошло в одно мгновение, и она подумала, что у неё перед глазами вдруг запрыгало. Федулин ничего не заметил, потому что размахивал руками и был увлечён только собой. А папа сразу замолчал.

— Извините, — смущённо сказала мама-Капелькина.

— За что? — удивилась мама-Мельникова.

— За беспокойство...

Мама-Мельникова пожала плечами: странно, о чём она говорит?

А папа продолжал смотреть на закат. Хотя закат его уже не интересовал. Он думал о том, что законы физики, пожалуй, бессильны объяснить, почему он вместе со стулом внезапно поднялся в воздух. Произошло это именно в тот момент, когда заговорили про домового. Он пошутил — и как будто над ним пошутили. Странные шуточки... Выходит, существует НЕКТО, кто стоял рядом и слушал их разговор. НЕКТО невидимый. Папа понял, что может додуматься до такого абсурда, который приходит в голову только сумасшедшим.

Солнце между тем садилось за горизонт. Земля поворачивалась вокруг своей оси, заканчивая суточный цикл. И вместе с ней поворачивались моря, леса, города, люди.

«Жизнь есть тайна, — подумал папа философски. — Но нельзя впадать в мистику, нужно трезво смотреть на вещи. Скорее всего у меня было лёгкое головокружение, и я почувствовал себя в невесомости. Тогда, с научной точки зрения, всё объяснимо...» Папа уже не верил самому себе, но науке продолжал верить.

На палубе становилось всё оживлённее. Пассажиры торопились занять места в открытом кинозале. Демонстрировался фильм «Весенняя встреча».

— Если про любовь, я не пойду! — заявил Родька.

— А я пойду! — воскликнула Зойка. — Про любовь так интересно! Так...

— Думай, что говоришь! — перебила мама-Капелькина.

— Детям нужно смотреть только детские фильмы, — произнёс Федулин. — А взрослым — взрослые.

Зойка незаметно показала ему язык.

Посоветовавшись, решили всё-таки детей в кино не брать. Пусть лучше вместе почитают книжку. Тем более что Павел Михайлович сказал, что в кино не пойдёт и обещал присмотреть за ними. Родька хотел было возразить, но Зойка приложила палец к губам. Они поняли друг друга: от Федулина надо убежать.

Павел Михайлович очень досадовал, что именно сегодня показывают какое-то кино и все спешат туда. А ему хотелось побыть на народе, поговорить. Он стоял у борта и заговаривал с каждым, кто проходил:

— Ну как, ничего новенького не узнали о летающих рыбах? — И громко смеялся.

Федулин всё ещё оставался героем дня, но день уже клонился к вечеру.

Когда началось кино, палуба опустела. Тут только Федулин заметил, что детей нет. Сбежали. Он покачал головой: так-то слушаются взрослых.

Павел Михайлович очень редко вспоминал, что когда-то был маленьким. Иногда ему казалось, что он сразу стал взрослым. Но, возможно оттого, что не кто-нибудь, а он купил окуня, говорящего человеческим голосом, Федудин вдруг вспомнил, что тоже был маленьким мальчиком, читал сказки. И была у него собака Торри, которую он водил на поводке.

Однажды родители пошли в гости, а его уложили спать. Кажется, было ему тогда лет шесть. Да, шесть. На нём была ночная рубашка с вышитым колокольчиком на груди. Он проснулся, а дома никого нет. Только щенок Торри. Павлик — Федудина звали Павлик — прижал Торри к груди и, не двигаясь, сидел в углу. Ему было страшно в темноте, но он боялся встать и зажечь свет. Боялся даже громко заплакать. Потом пришли родители, и ему ещё попало, что он такой трусишка.

Неужели этот мальчик в длинной ночной рубашке — Павел Михайлович Федудин? А как он, помнится, не любил овсяную кашу, а его все кормили и приговаривали: — Ешь, быстрее большой вырастешь.

И он вырос довольно быстро. Павел Михайлович вздохнул: отчего-то ему стало жалко себя. Оттого, что через силу овсяную кашу ел или ещё отчего-то. Может быть, эти грустные мысли ему навеяли закат и одиночество. Весь народ в кино ушёл, и дети сбежали. Он решил идти в буфет, хоть с буфетчиком Васей потолковать о том о сём и, конечно, о летающих рыбах.

Заговорщики

Сбежав от Федулина, Родька с Зойкой пробрались на корму нижней палубы и забрались под шлюпку. Здесь их ни за что Федулин не найдёт.

— Где Топало? — спросил Родька.

— Рядом я!

Они затихли и сидели, не двигаясь.

— А если он нас найдёт? — шёпотом спросила Зойка.

— Не найдёт, — так же шёпотом ответил Родька.

И снова замолкли. Они были уверены, что Федулин ищет их по всему теплоходу. А он в это время беседовал с буфетчиком, который рассказывал о гипнотизёрах и уверял, что летающие рыбы — это их проделки.

— Я уже ногу отсидел, — прошептал Родька.

— А ты сядь на другую, — посоветовала Зойка.

Родька сел на другую. Они замолчали, прислушиваясь. Но никто их не искал.

— А можно на этой шлюпке доплыть до моря? — шёпотом спросила Зойка.

— Запросто! — ответил Родька. — Даже по океану можно плавать, как Тур Хейердал.

— А кто это?

— Учёный. Он сделал папирусную лодку, набрал команду и поплыл. Наш Юрий Сенкевич с ним плавал. «Клуб путешественников» по телевидению ведёт, не знаешь, что ли?

— Знаю я Сенкевича, — проскрипел Топало. — Про Африку рассказывал. Про джунгли. Только не говорил, есть ли в Африке домовые.

— Да их уже нигде нет, — сказала Зойка. — Ты, Топало, может быть, единственный.

— Не единственный.

— А кто ещё?

Топало размышлял: рассказать им про своего друга Думало или нет? Зойка обидится, что он хитрил, не говорил про свои планы раньше.

— Что же ты молчишь? — спросила Зойка.

— Есть у меня друг, — решился Топало. — Из нашей деревни. Хозяин его Соснин переехал в Ключи, ну и он с ним. Бедняга, бедняга!..

— Почему бедняга?

— Бедняга! Совсем он один, живёт на чердаке. Поговорить не с кем.

— А в какие такие Ключи он уехал? — уже кое о чём догадываясь, спросила Зойка. — Не в те ли самые, мимо которых мы проплывём послезавтра в восемь тридцать.

— В те самые, — признался Топало.

— А как зовут твоего друга? — спросила Зойка.

— Думало его зовут! — с гордостью ответил он.

— Знаю, бабушка мне о нём рассказывала, — вспомнила Зойка. — «Уж Думало что-нибудь да надумает!» — произнесла она, подражая бабушке.

— Он и есть! — Топало обрадовался, что Зойка помнит о его друге.

— Что же ты раньше не сказал? — укоризненно спросила она. — Не доверял, да?

Топало вздохнул.

— Значит, послезавтра в восемь тридцать ты встретишься со своим другом! Вот здорово! — Родька подпрыгнул и стукнулся головой о борт шлюпки.

— Прыгай, прыгай, допрыгаешься! — проворчал Топало. — Как я встречусь, если проплываем мимо? Кабы знал, так не поехал бы. Сидели бы сейчас с козой Манькой на лужайке. Правильно Манька уговаривала: «Не езд, не езд ты на этом пароходе!»

— Ну и слушался бы своей Маньки! — возмутилась Зойка. — Кто виноват, что мы мимо Ключей проплывём?

— Хватит ссориться! Мы должны что-то придумать! — решительно сказал Родька.

— Я уже придумал, — сообщил Топало.

— Что?

— А как поплывём мимо Ключей, я прыгну в воду — и к берегу!

— Ты решил нас бросить? — не поверила Зойка.

— Глупая голова! Не насовсем. Обратнo поплывёте — я опять к вам!

— Это твоя голова глупая, — сказала Зойка. — В воду ты прыгнешь, а как из воды заберёшься на теплоход?

— А мы ему канат бросим!

— Какой канат? Где мы его возьмём?

— Действительно, этот вариант не подойдёт, — согласился Родька.

— Давайте уговорим капитана, чтоб он причалил! — предложила Зойка.

— Ты что, — усмехнулся Родька. — Это тебе не такси, чтоб каждый пассажир просил, где остановиться.

— Я и сам могу причалить, — заявил Топало. — Нажму красную кнопку — пароход пойдёт вправо, нажму зелёную — влево. Я же был в рубке, видел, как вам показывали эти кнопки.

— И не вздумай! — испугалась Зойка. — Устроишь крушение!

— Ничего не устрою.

— Рискованно! — поразмыслив, сказал Родька. — В нашем распоряжении ещё день и две ночи, за это время мы должны что-то придумать.

Они так заговорились, что забыли, зачем сидят под шлюпкой.

А Федулин, побеседовав с буфетчиком Васей, решил всё-таки поискать беглецов. Он обошёл салоны, спустился в трюм, заглянул там во все закоулки, снова поднялся на палубу и пошёл на корму. И увидел: из-под шлюпки торчат чьи-то ноги. «Явно Зюечки», — подумал он.

Федулин тихо подошёл к шлюпке и постучал по ней, как дятел. Ноги тут же исчезли.

— А ну-ка, вылезайте! — Федулин заглянул под шлюпку.

Вначале показалась Зюйка, потом Родька.

— Вот так! — сказал довольный Федулин. — Взрослые везде вас найдут!

Присмирившие ребята последовали за Федулиным. Заботливый Павел Михайлович отвёл в каюту сначала Родьку, сказав, что кино вот-вот кончится и чтоб он ждал родителей, и повёл Зюйку.

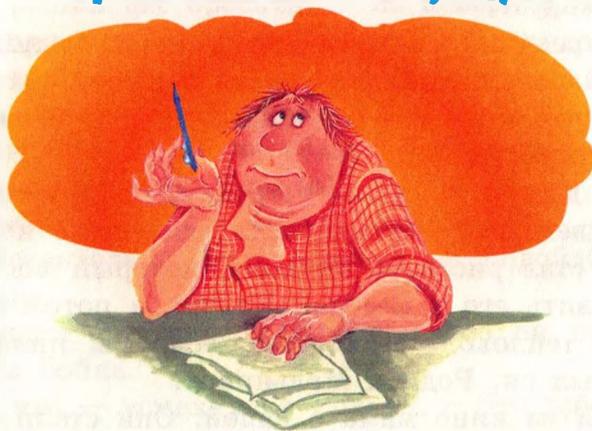
Родька достал из сумки тетрадку, где у него были нарисованы цветными карандашами различные космические корабли, и стал рисовать вертолёт, который мог взять Топало, доставить его в посёлок Ключи, а потом возвратить обратно на теплоход. И хорошо, если бы пилотом этого вертолёта был он, Родион Мельников.

Пришли из кино мама с папой. Они стали обсуждать фильм, который оказался не про любовь, а про выполнение производственного плана. Папа пришёл к выводу, что такой бригадир, какой показан в фильме, развалит всё производство. Мама сказала, что папа в производстве совсем не разбирается, именно такие бригадиры и нужны, они мыслят современно.

Когда папа засыпал, перед глазами всё ещё стояли огонь мартеновской печи, листы стали, монтаж, стыковка. «А тут разговор о домовых, — усмехнулся он. — Совсем оторвались от жизни. Изоляция, а путешествие на теплоходе не что иное, как изоляция, никогда не идёт на пользу». С этими мыслями, которые совершенно не соответствовали его прежним взглядам, он и уснул.

Надвигалась ночь. На правом берегу Волги показалось какое-то селение. Теплоход гордо прошёл мимо, и от его волны закачался маленький дебаркадер. Залаяла на берегу собака. Из домика вышла девочка и долго смотрела вслед уплывающим огням. Старик распряг лошадь и тоже поглядел на реку. Теплоход, не запомнив этой жизни, плыл всё дальше и дальше, к другим селениям и городам.

Гамюцнаци

Утром следующего дня теплоход «Космонавт Савиных» прибыл в крупный порт.

На берегу стояли экскурсионные автобусы.

— Желающие могут ознакомиться с городом, посетить исторические места!

— Мы тоже желаем! — запрыгала Зойка.

— А Топало останется в каюте, — сказала мама.

Вначале Топало страшно возмутился, сказал, что он в иллюминатор выпрыгнет и будет жить на дне речном, рыб у него знакомых много. Зойка тоже расстроилась, что Топало нельзя взять с собой.

— Ну ты подумай, — сказала мама. — А вдруг он потеряется в большом городе? Окликнешь, а его уже и рядом нет. Где будем искать? В милицию не заявишь! Больше на эту тему никаких разговоров! Я хочу спокойно посмотреть город.

Топало запыхтел, но возражать не стал.

— Не скучай, мы быстро вернёмся, — сказала Зойка.

— Чего не скучать, я привык на чердаке один жить.

— Хватит выяснять отношения, — сказала мама. — От его выходок и так у всех уже голова болит.

— У кого голова болит? — обиделся Топало. — Я и так тише мыши! У нас вон на чердаке мышь живёт — вреднющая. Только все уйдут из избы — она на стол. Усядет — и лапки сложит, а глазки, как у жулика, бегают. Кота Филимона совсем не уважает, а ведь он — один из достойнейших котов.

Зойка мышь тоже знала, однажды эта нахалка даже в портфель забралась.

— Ох, бабка Дуся и ругает её! — продолжал Топало. — «Таких мышей-то не бывает, чтоб на столах сидели!» Мышь передразнивает бабку: «А вот бывает, а вот бывает!» Бабка Дуся их язык не понимает, мышь и болтает что вздумает. Я говорю: «Вот возьму и переведу твои высказывания!» Она говорит: «Только не переводи!»

— И чего это ты про мышь принялся рассказывать? — спросила мама.

— А потому, что я тише мыши!

— На том и порешили, — сказала мама. — А то с твоими воспоминаниями на автобус опоздаем.

Когда они закрывали дверь ключом, из своей каюты появился Федулин.

— Спешите, спешите, — он посмотрел на часы, — а то опоздаете!

— А вы?

— Я уже пятый раз плаваю по этому маршруту. Сам могу экскурсию водить!

Капелькины заспешили, а Федулин шёл не спеша. Теплоход уже опустел. У пристани пассажиры садились в автобусы и уезжали в город. Павел Михайлович стоял и махал уезжающим рукой.

В город он не поехал не только потому, что побывал там не раз. На то имелись ещё две причины. Первая: Павел Михайлович натёр мозоль на пальце правой ноги. Он долго ругал свои новые сандалии и фабрику «Скорход», которая их выпустила как будто специально для того, чтобы доставить ему неприятность. Вторая причина: Федулин хотел уединиться, чтобы написать письмо в Академию наук по поводу летающих рыб и тут же, на речном вокзале, опустить его в почтовый ящик.

Прихрамывая, Павел Михайлович направился в музыкальный салон, где было тихо, уютно, сиреневые шторы пропускали солнечный свет. Всё располагало к творчеству.

Он сел за журнальный столик, достал блокнот и задумался. Лучше всего письмо начать так: «Жарким летним днём я гулял по берегу великой русской реки Волги. Настроение было отличное...» Нет, — решил он, — пожалуй, надо иначе. «Несмотря на великолепную погоду, на душе было тревожно...»

А в сто второй каюте в одиночестве скучал домовой Топало. «Лучше бы сейчас с котом Филимоном и бабкой Дусей баню топить», — мечтал он. Топало очень любил погреться в бане. Ему нравился запах дыма, берёзовых веников, раскалённых кирпичей. Всё так же, как сто лет назад, а то и больше. Ух, жарко раньше топил баню Денис Ка-

пелькин, а после бани полведра квасу выпивал. А дочь его, Кланька, до чего певунья была! Чистая пташка. И чего, дура, не пошла замуж за Гришку-ямщика?

Как запряжёт Гришка в тарантас своего рыжего Бунчука, да как прокатит по деревне, подбоченясь, так из окон все выглядывают и ещё долго смотрят вслед.

И так Топало размечтался, что полез в шкаф за шляпой, которую от него всё время прятали. Нашёл в углу.

— Всегда всё изомнут, — проворчал он, расправляя шляпу.

Вытащил тапочки, которые собирались выбросить, но так ещё и не выбросили. Разумеется, это не лаковые ботинки... Жаль, нет зеркала. Он всегда любил смотреться в зеркало, когда одевался или «модничал», как говорила бабушка.

Топало осторожно приоткрыл дверь каюты. Тихо. Лампочки тускло освещают коридор. «Никого нет, — подумал он. — Все уехали в город. Ничего страшного не случится, если я прогуляюсь по коридору да посмотрю в зеркало».

Он вышел из каюты и протопал к зеркалу, которое было расположено как раз напротив лестницы, ведущей вверх.

— Великолепный вид! — сказал Топало, рассматривая в зеркале свой невидимый облик. — Только тросточки не хватает!

А может быть, он и видел себя таким, каким хотел видеть: стройным, с чёрными кудрями, жгучими глазами? Красавец!

Он снял шляпу и поклонился:

— Доброго вам здоровьица!

— Чтоб не было у вас печалей!

— Привет вашей матушке!

Ему казалось, что он гуляет по ярмарке и все ему кланяются, и он всем кланяется.

В это время Павел Михайлович Федулин закончил писать письмо в Академию наук. Академики и не подозревали, какая их ждёт сенсация.

Павел Михайлович направился в каюту за конвертом. Его мысли были всё ещё заняты летающими рыбами. «Летают, — шептал он, — летают...» И оттого, что они летали, Федулину казалось, что жизнь его приобретает какой-то особый смысл.

Но прежде чем запечатать письмо в конверт, Павел Михайлович решил прочитать его буфетчику Васе.

Письмо на Васю произвело большое впечатление.

— Потрясно! — повторял он. — Потрясно!

Счастливые, они выпили по кружечке кваса.

В самом возвышенном расположении духа Павел Михайлович спустился по лестнице в трюм. Неожиданно у него подкосились ноги.

«Караул!» — хотелось крикнуть ему. Но слова застряли в горле, он стоял с открытым ртом. Невероятное видение: по коридору самостоятельно топали тапочки, а над тапочками плыла шляпа. Он закрыл глаза. А когда открыл — ни тапочек, ни шляпы не было.

Федулин на цыпочках прошёл по коридору, дрожащими руками достал ключ, вошёл в свою каюту и некоторое время стоял в раздумье. «Неужели кружка кваса может вызвать галлюцинации?» Самым странным в этих галлюцинациях были знакомые тапочки, те самые, дырявые, подзорительные.

«Никогда не надо подглядывать и подслушивать! — сделал для себя открытие Федулин. — Тогда и видений никаких не произойдёт». Слишком много он об этих тапочках размышлял — что да почему? — вот и явились они в отместку.

«Заяц» или поважнее

Федулин достал из папки конверт, запечатал в него письмо, подписал красивым мелким почерком: «Москва, Академия наук». Письмо как-то его успокоило, вернуло к действительности. Хотя действительность тоже странная — летающие рыбы, но всё-таки действительность: ведь держал он окуня в собственных руках? Держал! Окунь улетел? Улетел!

Федулин закрыл свою каюту и хотел уже идти, помня только что родившуюся заповедь: не подглядывать, не подслушивать! — но как-то само собой получилось, что он уже стоял у соседней двери и глядел в замочную скважину. Хотя, что глядеть? Он сам проводил Капелькиных на автобус. Но что-то Павлу Михайловичу не давало покоя, что-то он опять подозревал, хотя сам не знал что.

Федулин смотрел в замочную скважину то одним глазом, то другим, но ничего усмотреть не мог. И вдруг в каюте кто-то запел:

Во поле берёзынька стояла,
Во поле кудрявая стояла.

Люли-люли, стояла,
Люли-люли, стояла.

Федулин чуть не упал. Никогда в жизни он не слышал такого скрипучего голоса! Значит, в каюте кто-то скрывается! Тайный пассажир! А кого возят тайком? Хорошего человека тайком не возят. Хороший человек сам билет купит, вот как он, Павел Михайлович Федулин. А тот, кто не купил билет, с какими целями едет? С плохими целями. Вот потому-то всё время что-то и слышалось, потому-то у Павла Михайловича и возникали различные вопросы, потому-то и замечал он странности в поведении Капелькиных.

Таинственный жилец безмятежно продолжал напевать песню своим ни на что не похожим голосом. «Веселится! — подумал Федулин. — А весёлого-то мало!»

Он неслышно отошёл от двери, соображая, что бы предпринять. Преступника надо задержать! А то, что это был преступник, Федулин не сомневался. «На вид-то какие простодушные, — подумал он о Капелькиных. — А что творят! Тайком везут кого-то. Может, они и сами... того... из какой-нибудь шайки. Надо немедленно сообщить капитану!»

И он затрусил наверх, даже про свою мозоль забыл. По лестницам взбирался на четвереньках — никто не видит, зато быстрее и легче. Но всё равно вспотел. «Не тот возраст, не тот», — подумал Федулин, вытирая пот.

На палубе он столкнулся с матросом Колей Сопиным — тем самым, которого в машинном отделении щёлкнул по носу Топало.

— Скажите, где капитан? — спросил запыхавшийся Федулин.

— Капитан там, где ему положено быть, — достойно ответил Коля. — А ведь вы тот самый пассажир, у которого окунь улетел?

— Тот самый! — Федулину польстило, что его узнали, но сейчас было не до этого. — Срочно нужен капитан!

— Чуть что — сразу капитана подавай! В чём дело? Может, без капитана можно обойтись!

— Невозможно! Без капитана невозможно!

— Случилось что-то? — уже заинтересовался Коля.

— В том-то и дело, что случилось! — Федулин оглянулся, словно боялся, что его услышат. — В сто второй каюте едет тайный пассажир!

— Какой ещё тайный?

— Это и нужно узнать! Вполне возможно — преступник. Кто ещё, как не преступник, ездит тайком?

— Да безбилетник, — сказал Коля Сопин. — «Заяц». Но это тоже недопустимо! Его надо высадить.

— Вот и я такого же мнения — высадить!

— А откуда вы всё это знаете?

— Я живу в каюте напротив. И раньше всякие странные звуки слышал. А сегодня соседи мои уехали в город, закрыли каюту, как полагается, сам видел. И вдруг слышу, в каюте кто-то поёт...

— А с чего это он запел?

— Кто его знает!

Коля Сопин был озадачен.

— Может, вам показалось?

— Давайте пойдём и послушаем, — предложил Федулин. — Как говорится, один ум хорошо, два лучше.

Коля согласился. Когда они спустились в трюм, Федулин прижал палец к губам:

— Только тихо!

Они шли на цыпочках, как две большие цапли. На какое-то мгновение Павлу Михайловичу стало не по себе. Совсем недавно он видел, как по этому ковру вышагивали тапочки. «Не видел, а привиделось», — поправил Федулин себя.

Люли-люли, стояла,
Люли-люли, стояла.

Федулин чуть не упал. Никогда в жизни он не слышал такого скрипучего голоса! Значит, в каюте кто-то скрывается! Тайный пассажир! А кого возят тайком? Хорошего человека тайком не возят. Хороший человек сам билет купит, вот как он, Павел Михайлович Федулин. А тот, кто не купил билет, с какими целями едет? С плохими целями. Вот потому-то всё время что-то и слышалось, потому-то у Павла Михайловича и возникали различные вопросы, потому-то и замечал он странности в поведении Капелькиных.

Таинственный жилец безмятежно продолжал напевать песню своим ни на что не похожим голосом. «Веселится! — подумал Федулин. — А весёлого-то мало!»

Он неслышно отошёл от двери, соображая, что бы предпринять. Преступника надо задержать! А то, что это был преступник, Федулин не сомневался. «На вид-то какие простодушные, — подумал он о Капелькиных. — А что творят! Тайком везут кого-то. Может, они и сами... того... из какой-нибудь шайки. Надо немедленно сообщить капитану!»

И он затрусил вверх, даже про свою мозоль забыл. По лестницам взбирался на четвереньках — никто не видит, зато быстрее и легче. Но всё равно вспотел. «Не тот возраст, не тот», — подумал Федулин, вытирая пот.

На палубе он столкнулся с матросом Колей Сопиным — тем самым, которого в машинном отделении щёлкнул по носу Топало.

— Скажите, где капитан? — спросил запыхавшийся Федулин.

— Капитан там, где ему положено быть, — достойно ответил Коля. — А ведь вы тот самый пассажир, у которого окунь улетел?

— Тот самый! — Федулину польстило, что его узнали, но сейчас было не до этого. — Срочно нужен капитан!

— Чуть что — сразу капитана подавай! В чём дело? Может, без капитана можно обойтись!

— Невозможно! Без капитана невозможно!

— Случилось что-то? — уже заинтересовался Коля.

— В том-то и дело, что случилось! — Федулин оглянулся, словно боялся, что его услышат. — В сто второй каюте едет тайный пассажир!

— Какой ещё тайный?

— Это и нужно узнать! Вполне возможно — преступник. Кто ещё, как не преступник, ездит тайком?

— Да безбилетник, — сказал Коля Сопин. — «Заяц». Но это тоже недопустимо! Его надо высадить.

— Вот и я такого же мнения — высадить!

— А откуда вы всё это знаете?

— Я живу в каюте напротив. И раньше всякие странные звуки слышал. А сегодня соседи мои уехали в город, закрыли каюту, как полагается, сам видел. И вдруг слышу, в каюте кто-то поёт...

— А с чего это он запел?

— Кто его знает!

Коля Сопин был озадачен.

— Может, вам показалось?

— Давайте пойдём и послушаем, — предложил Федулин. — Как говорится, один ум хорошо, два лучше.

Коля согласился. Когда они спустились в трюм, Федулин прижал палец к губам:

— Только тихо!

Они шли на цыпочках, как две большие цапли. На какое-то мгновение Павлу Михайловичу стало не по себе. Совсем недавно он видел, как по этому ковру вышагивали тапочки. «Не видел, а привиделось», — поправил Федулин себя.

Вот она, сто вторая каюта. Федулин указал на неё пальцем. Коля Сопин приложил ухо к двери.

— Тишина! — прошептал он.

Федулин покрутил головой: дескать, не может быть, и тоже припал ухом.

Именно в это время, ни раньше ни позже, Топало решил положить свою любимую шляпу в Зойкин чемодан. А то валяется где-то в углу, никакого уважения. Он поставил чемодан на столик. Но чемодан что-то не открывался. Топало посильнее его тряхнул, чемодан открылся и свалился со стола. Топало стал собирать вещи и ругать чемодан: «Чего сразу не открылся, больно мне нужно тебя ломать».

Непонятный грохот и какое-то бормотанье явственно услышали за дверью Федулин и Коля Сопин. Переглянулись.

— Слышишь? — прошептал Федулин.

— Слышу, — прошептал Коля.

Топало между тем продолжал ругать чемодан, который вначале не хотел открываться, а потом не хотел закрываться.

Федулин и Коля Сопин, крадучись, пошли обратно на палубу.

— Ну что? — спросил Федулин, расправляя плечи. Когда человек прав, он всегда расправляет плечи.

— «Заяц»! — произнёс матрос, всё ещё немного ошарашенный. Где-где, а на теплоходах дальнего следования безбилетные пассажиры — чрезвычайная редкость.

— А может, и поважнее «зайца»!

— Может, и поважнее, — согласился Коля. — Вы меня здесь, на палубе, подождите, а я найду капитана.

Федулин в изнеможении опустился в кресло. За всю жизнь ничего особого Павел Михайлович не совершал, и с ним ничего не совершалось. А за эти дни что-то в его судьбе перевернулось. Позавчера — летающие рыбы, сегодня — тайный пассажир. Как будто специально для него

все эти сюрпризы уготовлены: «Совершайте, товарищ Федулин, совершайте, пора!..»

Павел Михайлович вытер потное лицо своим белым беретиком. «Будет вам и белка, будет и свисток», — вспомнились ему слова детской песенки.

Коля Сопин вернулся быстро.

— Капитан ушёл на речной вокзал к диспетчеру, — сообщил он. — Пойдёмте, там его и разыщем.

Топало в опасности

У пирса стояло множество судов, больших и маленьких. Неторопливо, по-домашнему, подходили к причалу водные трамвайчики; подлетали, как гигантские белые птицы, «Ракеты», «Метеоры»; торжественно подплывал недосягаемый, величественный четырёхпалубный теплоход.

Но Федулину некогда было любоваться. Он спешил с матросом Сопиным на речной вокзал. В кармане у него лежало письмо в Академию наук. Об этом Павел Михайлович тоже не забыл и опустил его в первый же почтовый ящик.

Речной вокзал, недавно построенный, весь сверкал стеклом, как гранёный стакан. В большом зале ожидания

сидели изнурённые жарой пассажиры. Коля Сопин уверенно прошёл к диспетчеру и тут же возвратился обратно.

— Они уже ушли, — сказал он.

— Кто они?

— Наш капитан.

— А куда он ушёл?

— Не докладывал. Вот если вы про штурмана Карпова спросите, то я могу сказать. Штурман на велосипеде катается. Представьте себе, самый пожилой, а велосипед с собой возит. Как длительная стоянка — так вдоль по берегу. У многих людей, я замечал, имеются странности...

— Я думаю, надо сообщить в милицию, — не дослушав размышления Коли Сопина, сказал Федулин. — Там разберутся с этим «зайцем» или кем там.

Коля засомневался:

— Сначала капитана надо поставить в известность. Капитан сам всё решит и, если надо, сам милицию вызовет. Как положено.

— Его ещё найти надо. Пока ищем, и стоянка кончится.

— Сначала надо капитану доложить, — твердил своё Коля.

— Докладывай! Ты подчинённый. А я лично беру на себя ответственность. Вам, молодой человек, я мог бы ничего и не рассказывать.

— Как хотите, — упорствовал Коля. — А я пойду капитана разыщу.

Коля побежал на теплоход. А Федулин пошёл в милицию. Милиция была расположена в этом же здании, и даже стрелочка на стене указывала — «милиция».

— Жалуетесь на что? — встретил его вопросом лейтенант, который, видимо, только недавно надел форму, она была новенькой.

— Я ни на что не жалею, — обиделся Федулин. — И пришёл я к вам не по личным делам.

— А по каким таким?

— Я пассажир с теплохода «Космонавт Савиных». Сообщаю вам, что на теплоходе в сто второй каюте едет тайный пассажир.

И Федулин рассказал всё, как было, и про песню «Во поле берёзынька стояла» — тоже. Это особенно поразило лейтенанта. Он сразу подтянулся и почувствовал себя на боевом посту.

— На теплоход! — приказал он, хотя приказывать было некому, только себе да Федулину, но тот не был его подчинённым.

У трапа их встретили капитан Петров и матрос Коля Сопин.

— Лейтенант Горгулько, — представился милиционер. — Что у вас за беспорядки, товарищ капитан? — строго спросил он.

— Думаю, это какое-то недоразумение, — сказал Петров и не очень приветливо взглянул на Федулина. Он не верил, что в сто второй каюте, где едет симпатичный человек Валя Капелькина с дочкой, может быть какой-то третий пассажир. И ему было неприятно, что вызвали милицию, не поставив его в известность.

— Пойдёмте, послушайте, и вы услышите, что в каюте кто-то есть, — предложил Федулин.

— Я у чужих дверей не подслушиваю, — холодно сказал капитан. — Через пятнадцать минут пассажиры возвратятся из города, тогда и разберёмся.

— Мне нужны факты, доказательства, — сказал лейтенант Горгулько. — А хозяева — сообщники, их самих нужно будет привлечь.

— Пассажиры Капелькины — люди вполне надёжные.

— Это мы посмотрим, показывайте вашу сто вторую каюту, — обратился он к Федулину.

Федулин заторопился впереди милиционера.

Топало и не подозревал, что вокруг него разворачиваются такие события. Он был занят важным разговором

с чайкой. Птица покачивалась на воде прямо перед иллюминатором сто второй каюты. Волны ударялись о борт корабля монотонно, лениво. Словно и им было жарко.

— Пристань Ключи на левом или на правом берегу? — спросил Топало.

— На правом, — сказала чайка.

— А чего там пароходы не пристаю? Мелко что ли?

— Глубоко. Дна не видно, темнота. А чего не пристаю — не знаю. Раньше приставали. Столько крошек с борта бросали — кыр, кыр, кыр! А сейчас там поесть нечего!

— Мне надо в Ключи, — вздохнул Топало. — У меня друг там живёт, Думало. Не знаешь?

— Моя бабка с ним была знакома! А мне до него дела нет.

— Легкомысленная ты птица!

— Мы все такие. Но в затруднительном положении приходим на помощь!

— У меня как раз затруднительное. Надо встретиться с другом Думало, а пароход не пристаёт.

— Какой необразованный: не пароход, а теплоход!

— Больно образованная!

— Мы тебе поможем, даже очень просто. Будем кричать: «Причаливайте к берегу, шторм идёт! Причаливайте к берегу, шторм идёт!» Теплоход и пристанет к берегу.

— Кто твой язык понимает?

— Ну тогда я не знаю, что делать. Извини! — И чайка улетела. Расстроенный, Топало даже иллюминатор закрыл.

— Причаливайте к берегу! Причаливайте к берегу! — От расстройства он так громко это произнёс, что его отчётливо услышал лейтенант Горгулько (до этого ничего не мог услышать, кроме крика чаек) и, разумеется, Федулин.

— Стойте здесь и караульте! — прошептал милиционер. — Я бегу к капитану.

Лейтенант поднялся в рубку.

— Ну что, кого нашли? — спросил Петров, усмехнувшись.

— Кое-кого...

— Что значит кое-кого?

— А это мы должны выяснить вместе. Теплоход отправляется... — Он посмотрел на часы.

— Через полчаса, — сказал капитан.

— Когда же вернутся пассажиры из города?

— Думаю, с минуты на минуту.

Только капитан произнёс эти слова, как на привокзальной площади появились экскурсионные автобусы.

— Пойдёмте! — заторопил лейтенант, одёргивая новую форму. — Мы должны задержать ваших нарушителей. Как их? Капелькиных!

— Что значит задержать?

— Для выяснения личности скрывающегося и их личностей тоже.

Капитан Петров не мог поверить, что на его теплоходе кто-то скрывается. Да ещё в сто второй каюте.

Пассажиры один за другим проходили по трапу. Капелькины шли в числе последних.

— Не торопятся, — заметил милиционер.

— А чего им торопиться? Не опаздывают ещё.

— Я смотрю, капитан, вы всячески скрываете недостатки в своей работе.

— Нисколько не скрываю! Пожалуйста, ходите, смотрите, ищите! У меня в тот рейс целая комиссия была!

«Нашёл чем хвастаться, — подумал Горгулько. — Зря комиссии не посылают...»

— Валентина Ивановна! — окликнул Петров Капелькину.

— Товарищ капитан! — замахала ему рукой Зойка.

«Да они, видать, хорошо знакомы», — сделал вывод милиционер. В подтверждение его догадки Зойка прыгнула с трапа на палубу и — прямо к капитану.

— А мы по всему, по всему городу ездили! — с восторгом сообщила она. — Он такой большой!

— Вы Капелькина? — спросил милиционер Валентину Ивановну.

— Да, я, — удивилась она.

— Пройдёмте в салон, — пригласил милиционер.

Валентина Ивановна вопросительно посмотрела на капитана. Петров смутился.

Они прошли в салон.

— Времени у нас мало, — сказал лейтенант Горгулько. — Так что давайте честно признаемся: кого вы везёте в своей каюте?

— Ни-никого, — неуверенно произнесла мама-Капелькина и подумала: что же случилось? Неужели Топало вышел из каюты и что-то натворил?

— А кого нам везти? — спросила Зойка и сделала круглые глаза, как бы очень удивилась.

— Вот я и спрашиваю — кого?

Капитан стоял, сложив руки за спину, и молчал.

— Никого мы не везём! — шмыгнула Зойка острым носиком. — Идите, посмотрите.

— Здесь старшие разговаривают! — строго сказал лейтенант Горгулько. — А посмотреть мы посмотрим. Пойдёмте в вашу каюту!

Мама с Зойкой пошли впереди, милиционер за ними, а капитан — замыкающим.

Павел Михайлович Федулин взад и вперёд прохаживался по коридору.

— Всё в порядке, — отрапортовал он милиционеру. — Из каюты никто не выходил.

Мама достала ключ, но от волнения никак не могла вставить его в замочную скважину.

— Пожалуйста, посмотрите, никого у нас нет, — нарочно громко, чтоб услышал Топало, сказала Зойка.

— Не волнуйтесь, — сказал Капелькиной милиционер и взял у неё ключ.

Он открыл дверь, и Зойка тут же прошмыгнула первая.

— Вот видите, никого нет!

Все зашли в каюту.

— А ты выйди, — сказала мама Зойке, потому что в каюте было очень тесно. К тому же прибежал Коля Сопин, чтоб посмотреть на «зайца».

Но «зайца» не было. Лейтенант Горгулько был в недоумении. Он заглянул в шкаф, под стол, под кровать, осмотрел иллюминатор, который был надёжно закрыт.

— Клянусь, никто не выходил! — прошептал не менее поражённый Федулин.

— Я сам слышал голос, — произнёс милиционер озадаченно.

— Он и песню пел «Люли-люли стояла»! — добавил Федулин.

— Вот и «люли-люли»! — усмехнулся капитан. — Может быть, у вас был включён репродуктор? — спросил он хозяйку.

— Да, включён! — обрадовалась она догадливости капитана.

Репродуктор был действительно включён. Милиционер подёргал шнур.

— Почему же он не работает?

— Право, не знаю, всё время работал. — Она не могла признаться, что репродуктор неисправен.

— Я что — дурак: не разбираюсь, репродуктор работал или что-то другое говорило? — подал голос Коля Сопин.

— А что другое? — повернулся к нему капитан.

— А чёрт его знает! — Коля почесал затылок.

— Если не знаете, надо поменьше болтать! — вдруг рассердился капитан. — Идите и выполняйте свои обязанности! Много без дела шлёетесь, да ещё у чужих дверей!

— Слушаюсь! — опешил Коля. — Я бегу!

И действительно побежал.

— А чьи это тапочки? — заинтересовался лейтенант Горгулько. И вытащил из-под подушки тапочки. Топало почему-то их решил туда упрятать, чтоб не выбросили.

Мама-Капелькина растерялась, не знала, что и ответить.

— Мы их в каюте нашли, — высунулась из коридора Зойка. — Кто-то их оставил. Кому они нужны, дырявые?

— Почему под подушкой лежат? — подозрительно спросил лейтенант. — Почему прячете?

— Не прячем, — сказала мама. — Это Зоя играла, вот и засунула под подушку, я даже не заметила.

— Странные игры у вашей Зои, — проворчал Горгулько.

— Сегодня же мы их выбросим...

Федулин смотрел на тапочки и готов был поклясться, что именно они самостоятельно двигались по коридору. Но об этом он не мог сказать. Не поверят. Да и сам себе он поверить не мог, иначе посчитал бы себя явно нездоровым.

Лейтенант бросил тапочки, обтёр пыль — рука об руку. Тапочки ещё не доказательство, если никого в каюте не обнаружили. Странно всё...

— Осмотр закончен? — спросил капитан.

— Так точно! Прошу прощения за беспокойство. — Лейтенант Горгулько отдал честь, но вид у него при этом был растерянный. — Рад, что сигнал не подтвердился. Желаю вам приятного путешествия!

Лейтенант пошёл. Ему очень хотелось оглянуться, как будто за его спиной что-то в этот миг могло произойти, но он стерпел, не оглянулся. Горгулько чувствовал: что-то он упустил, до чего-то не додумался. Но до чего?

Федулин поплёлся в свою каюту совершенно разбитый. В голове у него не осталось ни одной мысли.

Капитан Петров чувствовал себя перед Капелькиными виноватым.

— Я очень огорчён этим недоразумением, — сказал он и осёкся: ему послышалось, что верхняя полка заскрипела, как будто на ней кто-то заворочался. Петров поднял голову, но, разумеется, никого не увидел. Зойка, видимо, перехватила его настороженный взгляд и тут же залезла на полку и улеглась. Капитан почувствовал себя совсем неловко.

— Вы простите нас, столько хлопот вам доставили, — сказала мама-Капелькина.

— Это вы нас простите! — улыбнулся капитан.

А улыбка его, как известно, вызывала доверие. Мама тоже улыбнулась.

Сон Федулина

Федулину редко снились сны. А если и снились, то очень примитивные: то ему зарплату недодали, то он сто рублей потерял, то собака укусила.

А тут вдруг стали сниться Павлу Михайловичу какие-то другие сны. Утром он не мог вспомнить — какие, засыпал, но знал, что другие: смутные, неясные картины ещё держались в голове и беспокоили его. Он стал думать об этих снах, что-то выискивать позабытое.

И приснился Павлу Михайловичу сон уже совсем чёткий, который он не заспал. Как будто бежит ему навстречу мальчик. Падает, встаёт и снова бежит. А он зовёт его: «Па-а-ша! Па-а-ша!»

А потом понимает: да это же он сам маленький! И коленко поцарапано, и штанишки порваны. Добежал мальчик до взрослого Федулина и не взглянул даже. «Да куда же ты?»

От этого переживания Павел Михайлович проснулся. Отчего-то тревожно было на душе. Он встал и прямо в пижаме вышел в коридор. Постоял, слушая привычный гул машины. Захотелось подышать воздухом.

Он поднялся на палубу. Темнота кругом. Тёмное небо, тёмная вода, берега тонут в темноте. И вдруг ему захотелось, чтоб из этой темноты кто-то его позвал: «Па-а-ша!» Но никто не звал.

Соображать надо!

Жарким летним днём только у воды и дышится легко. Теплоход весело плывёт по течению реки. Трепещет на ветру бело-синий флаг. Кружатся чайки. Там и тут покачиваются на волнах парусники.

Папа, глядя на эту умиротворяющую картину, не удержался и произнёс:

— Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...

Родька стоял и смотрел на воду, которая белой пеной бурлила внизу. Он поджидал Зойку, но что-то долго её не было. После экскурсии в город они ещё не виделись. Вчера Капелькины не приходили ужинать, сегодня — завтракать. Может, заболели?

О событиях, которые произошли в каюте номер сто два, Мельниковы ничего не знали. Даже Федулин молчал, похвастаться ему было нечем. Мама сразу заметила перемену в его настроении и спросила:

— Случилось что-то? Вы такой подавленный. На вас это не похоже.

— Меланхолия посещает и меня, — ответил он.

Но почему его посетила меланхолия, Федулин так и не сказал.

Был уже полдень, а Зойка всё не появлялась. Родька начинал сердиться: ведь они договорились обсудить план высадки Топало в Ключах. Он кое-что придумал, а их всё нет.

— Я схожу к Зойке, — не выдержал он. — Вдруг отравились и лежат больные.

Но все Капелькины были здоровы. Зойка обрадовалась Родьке.

— Можно, я погуляю только минуточку? — спросила Зойка маму.

— Нет уж, посиди в каюте. А я схожу прогуляюсь. — Мама причесала перед зеркальцем светлые волосы, помазала кремом от загара нос, остренький, как у Зойки.

«Она такая молодая, — подумал Родька, — как будто Зойкина сестра, а не мама».

— Смотри у меня! — погрозила она дочери.

Когда мама ушла, Родька спросил:

— Чего она сегодня такая строгая?

— По делу, — вздохнула Зойка.

В углу зашевелился Топало, тоже завздыхал.

— Чего это вы вздыхаете?

— Тут такое творилось! — И Зойка рассказала всё, что произошло.

Родька страшно жалел, что в этот момент его не было.

— Сейчас Топало должен всё время сидеть в каюте, — сказала Зойка. — Под моим наблюдением. И помалкивать. Мама говорит: «Вот взяла его с собой, так расхлёбывай».

— Во всём виноват кот Филимон, — проворчал Топало. — Когда мы уезжали, он нам дорогу перебежал и ещё имел наглость заявить: «Плюньте через левое плечо, а то не повезёт!» Вот приедем, так я ему покажу!

— Всё это предрассудки! — уверенно сказал Родька.

— Предрассудки, предрассудки! А я вот сейчас сиди и молчи из-за этого кота! Я с другом Думало не повидеаюсь! Зачем я поехал? — заревел Топало (а когда он ревел, что случилось чрезвычайно редко, то уж как медведь).

— Надо немного соображать, и тогда всё в порядке! — сказал Родька. — Я кое-что придумал!

Домовой тут же замолчал, вылез из своего угла.

— Топало должен проникнуть в рубку! — прошептал Родька.

— Без тебя знаем. Это я придумал, а не ты.

— Слушай дальше! Не нажимать никаких кнопок. Должна быть гарантия безопасности!

— Зачем тогда туда проникать? «Кое-что придумал!» — передразнил Топало. — Так и коза Манька придумает.

Родька не обиделся, потому что знал, что говорил.

— Помолчи, Топало, — сделала замечание Зойка. — Вечно ты перебиваешь.

— Всё гениальное — просто! — произнёс Родька. — Топало нажимает на тормоз, и корабль останавливается.

— А где тормоз? — спросила Зойка.

— Где, где! А ты не видела? Капитан нам показывал рычаги: один — «Стоп!», другой — «Полный вперёд!».

— Я помню, — сказал Топало. — Я там всё высмотрел.

— Корабль остановится, а дальше что? — спросила Зойка.

— А дальше бросают якорь, и по этому якорю Топало спускается в воду, пливёт до берега. Пока ищут неисправность, он повидается с Думало и возвратится обратно. Поднимется на теплоход по тому же самому якорю.

— А если он не успеет?

— Успеет! — Когда у Родьки возникала какая-либо идея, он отбрасывал всякие сомнения.

— Соображает твоя голова! — сказал Топало.

А Зойкина голова соображала плохо. Ей не верилось, что всё пойдёт так, как Родька придумал. Но большинство было «за».

Семечкин принимает сигналы

Ночью Топало тихо вышел из каюты. Зойка и мама спали. Спал весь теплоход. Не спала только вахта. Капитан Петров стоял в рубке. Свет прожекторов освещал тёмную дорожку воды.

Топало поднялся на верхнюю палубу.

Низко плыли тучи, предвещая изменение погоды. Плыли точно так же, как сто лет назад. Но тогда под этими облаками происходила своя жизнь. Девочке Кланьке шили обновку к празднику: ситцевое платье ниже колен; Денис Капелькин варил клей в помятой кастрюле, чтоб чинить калоши; Анисья, его жена, пекла к Петрову дню пироги. Да мало ли что было сто лет назад! Об этом только домовой и знает как единственный очевидец.

Ветер дул с севера. Домовой встал посреди палубы и сразу же ухватил его самую мощную струю.

«Дорогой друг Думало, завтра в восемь тридцать жди меня на берегу реки Волги. Твой любящий друг Топало».

Сильным движением он отослал письмо по ветру. Но оно тут же вернулось обратно. «Что такое? — подумал Топало. — Неужели ветер не хочет отнести письмо?»

Он снова поймал струю и послал её вперёд. Но снова, закрутившись по спирали, письмо вернулось обратно.

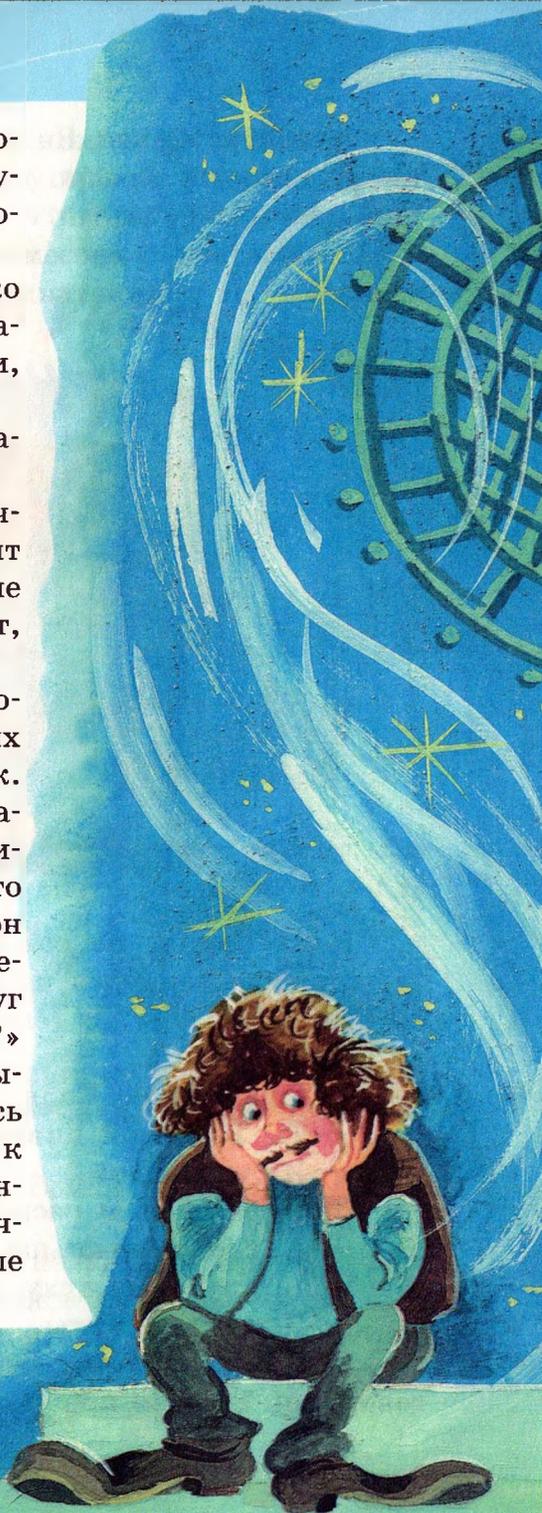
Так он проделал несколько раз и понял, что письмо не пускают провода, металлические круги, которые стоят на палубе.

«Антенны!» — вспомнил Топало объяснения Родьки.

А в это время радист Семечкин не мог понять, что происходит в эфире. Совершенно непонятные сигналы, которые то пропадают, то возобновляются.

Неужели взеземные? Он торопливо записал волны, на которых работал неизвестный передатчик.

Неожиданно сигналы прекратились совсем. Зря Семечкин прижимал наушники, пытаясь что-то услышать. «Возможно, завтра он выйдет в эфир в это же время, — подумал радист. — А вдруг это инопланетяне ищут контакт?» И он, Семечкин, первый их услышал! У него от волнения забило сердце. Он тут же хотел бежать к капитану и сообщить о таинственных сигналах, но передумал: лучше он сделает это завтра, после повторного сеанса.

А сейчас Семечкин побежал к своему другу Коле Сопину, который крепко спал. Он разбудил его, хотя Коля просыпаться не желал.

— Контакт с внеземной цивилизацией! — произнёс Семечкин. — Я принял сигналы братьев по разуму!

Сон Коли Сопина

Коля Сопин, не совсем проснувшись, решил, что всё это сон, и повернулся на другой бок. Ему тут же приснился брат по разуму. В тельняшке, на лоб надвинута фуражка речного флота.

— Здравствуй, Коля, — сказал он. — Здравствуй, брат!

— Ты из какой цивилизации? — спросил Коля.

— Из внеземной.

Они обнялись и расцеловались.

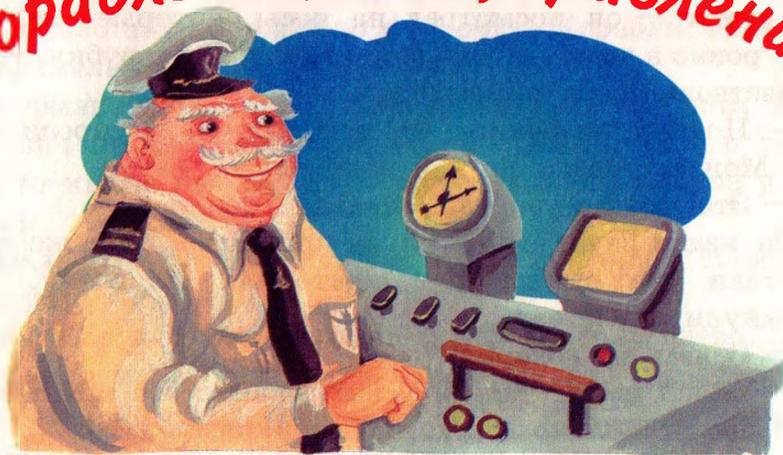
— А где ты раньше был? — спросил Коля. — Что-то о тебе ни слуху ни духу.

— Искал контакты.

— А чего искать? Встретились с глазу на глаз да поговорили. Ты мне про свою жизнь, я тебе — про свою.

— Я случайно к вам залетел. В наших учебниках не указано, что вы существуете. Вы у нас не изучаетесь. Коля Сопин так возмутился, что проснулся и сел.

Корабль теряет управление

Капитан Петров передал ночную вахту штурману Ивану Васильевичу Карпову и пошёл спать. Ночь прошла благополучно, и капитан был спокоен.

Дул ветер. Он гнал тучи на юг, они шли низко над землёй. Лохматые, серые. «Пора бы и дождичку пролиться», — подумал штурман Карпов.

Теплоход приближался к пристани Ключи. Пассажиры, глянув на хмурое небо, поскучнели, не торопились на палубу.

В семь сорок пять у Родьки, Зойки и Топало была назначена встреча.

Мельниковы ещё спали — в ненастную погоду всегда хорошо спится. Родька встал, боясь разбудить родителей, оделся. Самое главное — бесшумно открыть дверь. Он медленно повернул ключ, медленно нажал на ручку — лишь бы не скрипнуло! — и протиснулся в щель.

Зойка с Топало уже ждали его на корме. Им тоже очень осторожно пришлось выходить из каюты, чтобы не разбудить маму. Заговорщики были в сборе. У Родьки на шее висел бинокль. Он поднёс его к глазам и стал рассматривать виднеющийся вдалеке посёлок.

— Думаю, это Ключи, — сказал он. — Значит, через десять минут, — он посмотрел на часы, которые взял у папы, — ровно в восемь, Топало должен войти в рубку. — Родька чувствовал себя командиром.

— Почему ты решил, что это Ключи? — спросила Зойка. — Может, совсем другая пристань.

— Это можно узнать, — сказал Топало.

Он издал звук, похожий на крик чаек. Тут же к нему подлетели три птицы и затараторили по-своему. Потом вспорхнули и улетели.

— О чём вы говорили?

— Велел им слетать и узнать, какая это пристань.

Через несколько минут чайки возвратились.

— Пристань Ключи! — сообщили они. — Совершенно точно, потому что сказал самый старый ворон. Он живёт на дереве, которое растёт на берегу.

Теплоход шёл своим курсом. Штурман Иван Васильевич зорко смотрел вперёд. Он не заметил, как в рубку вошёл домовой. Вернее, почувствовал, что дверь кто-то открыл, но, когда оглянулся, она была закрыта.

Топало старался своё присутствие никак не проявлять.

— Опять запыхтишь! — сказала ему Зойка.

— Не запыхчу!

Но всё-таки ему пришлось подойти поближе к штурману, посмотреть, что он делает. А штурман, на первый взгляд, как будто ничего не делал. Его руки спокойно держали рычаги управления.

Топало покрутился вокруг, но не смог понять, какой рычаг ему надо нажать. Да и как он нажмёт, если рычаги в руках штурмана?

Домовой почесал затылок. Родькин план явно проваливался. А пристань Ключи приближалась. Если он промедлит, то все проплывут мимо.

Топало подошёл к пульта, где были расположены кнопки. «Нажмёшь красную — вправо, нажмёшь зелёную — влево. Как в сказке. Это куда проще», — подумал он.

И Топало нажал красную кнопку. Корабль, сбившись с курса, сделал резкий крен вправо.

Штурмана покачнуло. Землетрясение?! И хотя Иван Васильевич на собственном опыте не знал, что это такое, почему-то мысль именно о землетрясении мелькнула у него в голове.

Топало отпустил кнопку. Корабль пошёл спокойно. Карпов утёр лоб.

Взяв себя в руки, штурман повёл корабль влево. Только выровнял курс, как судно начало делать странные зигзаги, словно хотело вырваться из рук штурмана и плыть самостоятельно. Как будто оно сошло с ума.

На палубу начали выскакивать испуганные пассажиры. От непонятной качки проснулись и Мельниковы.

— Неужели буря? Где Родька?

Снова качнуло. Мама схватилась за стол, чтоб не упасть.

— Что ты паникуешь? Какая буря? — пытался вразумить её папа и тут же, покачнувшись, стукнулся о стенку.

Они выбежали на палубу и встретили маму-Капелькину. Она тоже была взволнована: куда-то исчезли Зойка и Топало.

— Где-то они вместе! — сделал заключение папа, имея в виду Родьку и Зойку.

На реке ходили хмурые тёмные волны. На минуту проглянуло солнце, окрасило их в зелёный цвет, и тут же снова всё вокруг стало серым.

— Шторм идёт, вот и качает! — раздались голоса.

Павел Михайлович Федулин, придерживая берет, старался определить по состоянию погоды, будет шторм или нет. Все с надеждой смотрели на него: как-никак он плавал четыре раза, знает все признаки приближающегося шторма. Но Федулин ничего такого не знал, потому что подобную качку испытывал впервые.

А Родька с Зойкой сидели под той самой лодкой, покрытой тентом, где их нашёл однажды Федулин. Они поняли, что Топало осуществляет свой план. Вместо того чтоб нажать на тормоз, нажал на кнопку.

— Вдруг он устроит аварию? — прошептала Зойка. От переживания её бил озноб.

Родька тоже волновался, но старался выглядеть спокойным, как подобает командиру.

— Никакой аварии не будет. Топало ведь сказал, что здесь глубоко.

Только заговорщики вылезли из-под лодки, как тут же появились родители во главе с Федулиным.

— Я говорил, что они здесь! — гордо сказал Павел Михайлович. — Нас не проведёшь!

Зойка тут же получила от мамы подзатыльник, а Родьку повели воспитывать в каюту.

Корабль по-прежнему качало. Он упорно не хотел идти своим курсом и поворачивал нос к берегу.

— Успокойтесь, товарищи пассажиры! — донёсся по динамику голос штурмана. — В этом районе много мелей, мы вынуждены маневрировать. Теплоход идёт обычным порядком.

Пассажиры успокоились. Только Павла Михайловича Федулина это сообщение удивило: четыре раза плавал — никаких мелей не было, а на пятый — вдруг мели! Когда успело нанести?

Не был спокоен и сам штурман. Корабль его не слушался.

В рубку вбежал капитан Петров.

— Что случилось?
— Непорядки в системе управления, капитан! Кнопку заедает.

— Будем пришвартовываться к пристани Ключи! — приказал капитан.

Он связался с диспетчером:

— Корабль потерял управление. Причины неизвестны. Попробуем пристать к пристани Ключи.

Пристань была уже совсем близко. И как только теплоход сбавил ход, направившись к причалу, он снова стал слушаться штурмана. «Что за фокусы?» — поразился Иван Васильевич.

Непредвиденная стоянка

Давненько у пристани Ключи не останавливались большие суда. На берегу торчали любопытные ребятишки, и как только теплоход подошёл к пристани, они помчались туда.

— Объявите часовую стоянку! — приказал капитан. — Но чтоб пассажиры не расходились. Стоянка может быть сокращена.

Топало стоял у борта, ожидая, когда теплоход пришвартуется. Зойка с мамой прохаживались по палубе, рассматривая незнакомую местность.

— Топало где? — спросила мама.

— Здесь он, здесь.

— А что за качка была?

— Я-то откуда знаю? — Зойка выразила такое удивление, что кто угодно бы ей поверил, но мама, наоборот, подозрительно на неё посмотрела. Какие-то предчувствия одолевали маму: не случайна эта стоянка в Ключах, и Зоя с Топало тоже не случайно утром куда-то исчезли.

— Вот ещё раз залезете под лодку, самому капитану скажу!

Зойка дала слово больше под лодку не залезать. Она разговаривала с мамой, а сама с нетерпением ожидала Родьку. Но его всё не было.

Бросили трап. Непредвиденная стоянка, видимо, испортила пассажирам настроение, на берег никто не спешил. Наконец появились Мельниковы.

— Ты чего так долго? — шёпотом спросила Зойка.

— Родителей уговаривал. «Погода хмурая, нечего на берегу делать, лучше спать», — сказал папа. Еле уговорил.

Папа-Мельников шёл, позёвывая. У мамы тоже был довольно скучный вид. Она была в трикотажном спортивном костюме и застегнула воротник под самый нос, а руки держала в рукавах, как в муфте. Хотя было совсем не холодно, просто пасмурно.

У Родьки с Зойкой положение было сложное. Они не могли отпустить Топало в посёлок одного. У него ведь нет часов, опоздает, и никто не заметит, что один пассажир отсутствует. Да и мало ли что с ним может приключиться! Но их тоже родители в посёлок одних не отпустят! Что тут придумаешь?

Подталкивая друг друга, ребята сошли на берег.

— Перестаньте баловаться! — предупредила мама-Мельникова.

Папа нашёл бревно, на которое все уселись рядочком, как гуси.

— Какой скучный посёлок, — сказала мама-Капелькина.

— Зелени совсем мало, а пыли много, — дополнила мама-Мельникова.

Подошёл Павел Михайлович Федулин. Родька с Зойкой с удовольствием уступили ему место. Он тут же начал говорить о том, что непредвиденная стоянка объясняется только молодостью и неопытностью капитана. Мама-Капелькина обиделась за капитана. Мельниковы тоже вступились за него. Сразу начался оживлённый разговор.

— Где Топало? — прошептал Родька. — Неужели он ушёл один?

— Я думаю, он разговаривает с вороном вон у той берёзы.

Недалеко от пристани стояла развесистая берёза, и Топало действительно вёл там разговор со старым вороном.

— Приветствую тебя, старый ворон! — сказал он.

— Приветствую тебя, домовой! — ответил ворон. — Откуда ты прибыл, с каких краёв?

— Издалека. Скажи-ка, старый ворон, знаешь ли ты домового Думало?

— А как же! Мы с ним здесь самые старые!

— Это мой друг! Сведи меня к нему!

— Карр! — обрадованно прокричал ворон. — Конечно, я тебя сведу!

Родька с Зойкой, пока взрослые спорили, прибежали к берёзе.

— Зойка, старый ворон знает моего друга, — сказал Топало. — Он отведёт.

— Спроси его, далеко ли идти.

Топало спросил. Ворон ответил, что на другой конец посёлка.

— Тогда надо торопиться!

— Карр! — Ворон поднялся в воздух. — Лечу! Спешите за мной!

Топало потопал за старым вороном.

— Я тоже побежала! А ты, Родька, оставайся! Скажи маме, что я сейчас вернусь. Придумай что-нибудь!

— Вот ещё! Я тоже пойду!

— Если мы вместе убежим, нас искать будут! — И она, догоняя Топало, скрылась за углом дома.

Родька был расстроен, хотя понимал, что Зойка права, двоим убежать нельзя.

— Родька! — крикнула мама.

Опустив голову, Родька поплёлся к родителям.

Федулина с ними уже не было. Убедившись, что Капелькины на берегу, он пошёл ещё раз проверять вторую каюту: не поёт ли там опять кто-нибудь «люлилюли».

— А где Зоя? — спросила мама-Капелькина.

— Она сейчас придёт, — замылся Родька. — Вон там магазин, так она ушла чего-то покупать...

— Странно... Почему она ничего не сказала? У неё и денег нет. Давайте сходим в этот магазин!

Мельниковы с удовольствием согласились: почему бы не пройти? Родьке пришлось последовать за ними.

Магазинчик был маленький, с деревянным крылечком. Здесь пахло солёной рыбой, в витрине лежали затвердевшие пряники, конфеты, рожки.

— Где же Зоя?

— Значит, уже ушла, — сказал Родька.

Мама-Капелькина отвела Родьку в сторонку.

— Скажи правду: где Зоя? И где... Топало?

— Какой Топало?

— Можно подумать, что ты не знаешь!

«А вдруг и правда Зоя не сказала ему про домового? — подумала она. — Хотя не похоже... Что-то он знает».

Таинственная встреча

Старый ворон, делая круги, летел над посёлком Ключи. Топало с Зойкой едва за ним успевали.

Они бежали по улице, пугая кур, важно бродивших по лужайке. Куры с кудахтаньем разлетались.

А вот окраина посёлка. Домик, увитый хмелем.

Старый ворон взлетел на трубу и что-то прокаркал.

И тут же распахнулось чердачное окно.

— Душа моя, Топало!

— Это я, я! Ты узнал меня?

— Как же я тебя не узнаю, сердечный друг!

Думало слез по лестнице с крыши, и друзья крепко обнялись.

— Какой счастливый случай привёл тебя ко мне?

— Я путешествую на теплоходе! — не без гордости сказал Топало. — Ты письмо моё получил?

— Ни одного письма не получал я из родных мест. Думал, и тебя уже нет в Кутузах.

Они сели в палисаднике на скамеечку, а на другой скамеечке сидела Зойка.

— А это кто с тобой? — спросил Думало. — Кланька?

— Какая Кланька! Это Зойка. Кланька её прабабушка.

— Вылитая Кланька! — вздохнул Думало. — Времечко-то бежит! Как один миг сто лет пролетели. — Он задумался. — Уж не гадал я со своими свидеться, мало нас на Земле осталось. Исчезаем... — И опять задумался. — Скажи, Топало, — мечтательно спросил он, — стоит ли ещё наш старый дом? Скрипит ли он половицами? Топится ли в нём печь?

— На том месте, где ваш дом стоял, шиповник вырос.

— Шиповник? Так это я его за оградой посадил. Разросся, значит.

— Разросся. Всем рассказывает: «Думало меня здесь посадил. В жару поливал, осенью ягоды собирал».

— Сбирал, собирал... — печально сказал Думало.

— Старик Бакай привет тебе шлёт!

— Наш Бакаюшка! Как он поживает?

— Глуховат малость. А так ничего, здоровье хорошее.

— Помнишь ли, Топало, как он щенком чуть в речке не утонул? Я его вытащил и с тех пор к нему душевно привязан.

— Как не помнить — помню.

— А сейчас расскажи мне, сердечный друг, как ты живёшь, — попросил Думало. — Часто я тебя вспоминаю, о судьбе твоей тревожась.

— Живу хорошо, — ответил Топало. — И друзья у меня есть: бабка Дуся, Зойка, кот Филимон, коза Манька, пёс Бакай. Но спокоен я.

— Какие сомнения тебя настигли?

— Ты, Думало, много думаешь. Скажи: тебе никогда не хотелось стать человеком?

— Цветы должны быть цветами, птицы — птицами, кони — конями, — ответил Думало. — Если не будет цве-

тов — мир потеряет красоту, если не будет птиц — мечту, если не станет лошадей — доброту. А когда исчезнет последний домовый — исчезнет тайна.

— Я всё понимаю, — вздохнул Топало. — Только как-то обидно: живёшь на свете, никто тебя не видит. Сиди в уголочке, молчи.

— Ты невидим только для людей. Они многого в творении природы не ведают. Люди ещё дети во Вселенной. Домовые замолчали.

— Ну хорошо, — произнёс Думало. — Каким бы ты хотел стать?

— Как Гришка-ямщик.

— Молодой ты ещё, и мысли глупые. — Думало задумался. — Доживёшь до двухсот лет — твоя воля! — можешь превращаться в кого хочешь. Это всем разрешается. Встанешь лицом на восток, скажешь: «Хочу быть Гришкой!» — и кувыркнёшься три раза. Дело простое. Только порядочные домовые никогда ни в кого не превращались. Остался ты в Кутузах один, некому тебя уму-разуму учить. Я понимаю, душа моя, скучно одному-то. Но советую тебе поначалу подумать крепко. Станешь ты Гришкой, многое обретёшь, но не будешь понимать ни зверей, ни птиц, ни деревьев. Ты говоришь сейчас с людьми за тех, кто не может говорить за себя. А став человеком, забудешь навсегда их язык. И они тебя не узнают.

И вдруг зашевелилась вокруг листва. Зойка подняла голову, слушая непонятный шум.

— Не узнаем мы тебя, не узнаем... — прошелестела листва.

«Так потом меня и кот Филимон не узнает, — подумал Топало. — Подойдёт и замыкает. А я, не понимая, скажу: «Чего ты мяукаешь?» А коза Манька даже боднёт, если рассердится. Пёс Бакай запросто укусить может. Чего, мол, тут чужой шляется».

— Мы никогда с тобой не будем разговаривать! — крикнул ворон.

— Я ещё ваш, — обиделся Топало, — а ты уже разговаривать не хочешь. Я ведь ещё ничего не решил. Ещё пятьдесят лет думать буду.

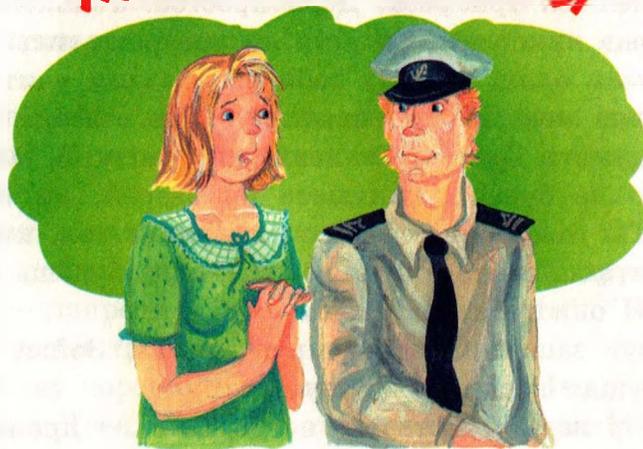
— Думай, думай, — сказал Думало. — Да возвращайся поскорее домой, в Кутузы. Не наше это занятие на теплоходе кататься. Много стало соблазнов в жизни, вот и покинули наши братья свои углы.

— Да ведь я из-за тебя поехал, — сказал Топало. — Другого случая не будет, чтоб повидаться.

— Утешил ты мою душу, Топало, друг сердечный. Но и растревожил. Будешь ли ты счастливым?

А ведь счастья хочется всем, даже домовому.

Мама волнуется

Объявили посадку. Стоянка на двадцать минут была сокращена, так как никаких неисправностей в системе управления не обнаружили.

Зойка и Топало не появлялись, и Родька не знал, что предпринять. Мама-Капелькина была в отчаянии.

— Нужно сообщить капитану и вызвать милицию для розыска, — сказала мама-Мельникова.

Родька совсем сник: ещё и милицию вызовут!

— Не надо милицию, — сказала мама-Капелькина. — Родион знает, где искать Зойку.

— Знаешь?! — в один голос спросили папа и мама.

— Знаю.

— Да где же она? — взмолилась мама-Капелькина.

Выход был один: рассказать всю правду.

— В этом посёлке у Топало живёт друг — Думало, — сказал Родька. — Они ушли с ним повидаться. Их увёл старый ворон.

— Какой Топало, какой Думало, какой ворон?! — воскликнул папа. — Я уважаю ваши игры, но и они имеют границы!

Мама-Капелькина ничего не стала объяснять: она побежала к капитану, чтоб задержать отправление.

— Что с вами? — встретил её Петров. — На вас лица нет!

— Зоя потерялась!

— Как потерялась? — заволновался капитан.

— Она убежала и ещё не вернулась!

— Мы же объявляли: пассажирам никуда не уходить! И так уже выбились из расписания! — Петров снял фуражку, сел. За один рейс столько ЧП! Не хватало ещё, чтоб ребёнок потерялся!

— Товарищ капитан, вы не волнуйтесь! На вас тоже лица нет.

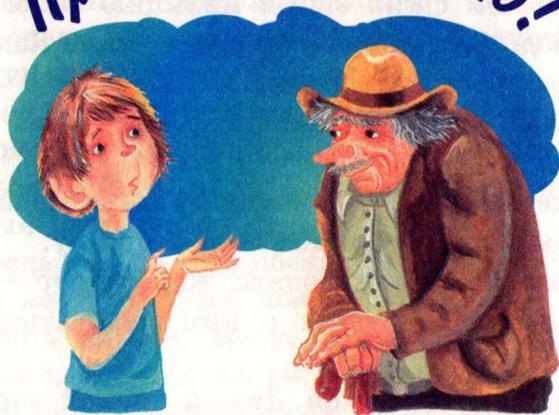
— Видимо, плохой я капитан, — устало сказал Петров.

— Хороший, очень хороший! Это во всём виноват Топало!

— Какой Топало?

— Товарищ капитан, мы едем с домовым!

Прощай, Думало!

— Вы не знаете, где живёт домовой Думало? — спросил Родька мальчишек, которые бегали у пристани.

— Кто-кто? — захохотали мальчишки.

Родька побежал к магазину, на крыльце которого сидели две женщины, продавали ягоды.

— Вы не знаете, где живёт домовой Думало? — спросил, запыхавшись, Родька.

— Ишь какой шутник нашёлся! — с осуждением сказали женщины. — И родители не приструнят!

Родька кинулся к парню, который подъехал к магазину на лошади, запряжённой в телегу.

— Где у вас домовой Думало живёт?

Парень покрутил пальцем у виска:

— Ну, псих!

По дороге шёл старичок, опираясь на палку. Родька побежал ему навстречу. Уж он-то про домового должен слышать.

Старик остановился.

— А ты, пряткий, откуда будешь? Вроде не здешний.

— С теплохода! Вон стоит!

— Про домового, сказывай, как прознал?

— Топало говорил.

— Топало? Евдокии Капелькиной?

— Знаете, да? — обрадовался Родька.

— Как не знать, соседями были. Соснин меня зовут.

А ты как ей приходишься? Уж не внук ли?

— Зойка Капелькина ей внучка. Она тоже едет на теплоходе вместе с Топало! Они ушли к Думало повидаться! А теплоход отходит! Стоянку сократили!

— Экие дела! У меня в доме гости, а я не знаю!

С пристани к Родьке бежали папа и мама.

— Иди немедленно на теплоход! Слышал, объявили посадку! Или это не для тебя?

— Но мы же не уедем без Зойки!

— Конечно, не уедем, — сказала мама, переводя дыхание. — Но лучше, если ты будешь сидеть в каюте, чтоб потом тебя не искать.

— Но я знаю, где Зойка! Давайте за ней сбегает с папой!

— Да бежать-то далековато, коли опаздываете, — сказал старик Соснин. — Васька! — крикнул он парню, который приехал на телеге. — Довези-ка гостей до моего дома!

— Дорога неровная, растрясусь! — Парень подмигнул Родьке. — Ладно, садитесь!

Родька запрыгнул в телегу. Папа, ещё не поняв, куда нужно ехать, тоже сел. И мама не отстала.

— Нельзя ли поскорее! — попросил Родька.

— Быстро надо — садись в машину!

Парень понужнул лошадь, и она побежала рысцей.

А в палисаднике у дома Соснина расставались домовые.

— Прощай, друг! — сказал Топало.

— Прощай, дорогой! — сказал Думало.

И снова зашумела листва:

— Прощай, прощай, Топало!

— И ты, Кланька, прощай! — сказал Думало.

— Я не Кланька, я Зойка.

— Может, и Зойка. А может, и Кланька.

Не успели они на прощанье сказать самых важных последних слов (их всегда не хватает), как к дому подкатила телега.

— Зойка! — закричал Родька. — Теплоход уходит!

— Ой! — испугалась Зойка. — Ой, вдруг ушёл!

Она запрыгнула в телегу, а Топало, помахав другу, побежал рядом.

Старый ворон, сделав круг, прокричал:

— Будь здоров, Топало! — И улетел.

— Уж вы нас, Вася, доведите до пристани, — попросила мама... — Очень вам будем благодарны!

— А мне что? Не я везу — лошадь! А ну, дорогая, пошевеливайся! — взмахнул он вожжами.

— Уж ты поторопись, — попросил Топало лошадь. — На теплоход опаздываем.

— И так тороплюсь, — ответила лошадь. — Да колея глубокая, всю дорогу машины испортили.

Мама-Капелькина и капитан стояли в ожидании у трапа.

Где-то вдалеке сверкнула молния, прогрехотал гром. Сразу всё вокруг потемнело, закружилась пыль.

— Давно дождя ждём, — сказала лошадь, сворачивая к пристани. — Трава совсем сухая стала, жёсткая.

Мама-Капелькина бежала навстречу. «Ну и влетит сейчас Зойке!» — посочувствовал Родька.

Лошадь остановилась.

— Спасибо тебе большое! — Папа с мамой стали наперебой благодарить Васю.

— Тебе спасибо, — сказал Топало лошади.

— Не за что. Приятного вам пути!

Пассажиры сели на теплоход.

Топало-метеоролог

Штурман Карпов ничего не мог понять: система управления работала как часы. Что же произошло с кораблём в районе пристани Ключи?

Никакого вразумительного ответа не мог дать на этот вопрос и механик.

Только радист Семечкин кое-что подозревал: уж не те ли самые взеземные сигналы сбили корабль с курса? Он не выдержал и решил идти к капитану, поделиться своими догадками.

— Что у тебя за срочные дела? — недовольно спросил штурман. — Капитан пошёл спать, и вообще, он неважно выглядит.

— А может, я его вылечу! — таинственно произнёс Семечкин.

Капитан был в своей каюте и пил чай.

— Ну входи, Семечкин, — сказал он. — Что у тебя стряслось? О какой-нибудь неприятности пришёл сообщить?

— Да как сказать, — помялся Семечкин. — Будущее покажет...

— Какое ещё будущее?

— Ближайшее... Я, товарищ капитан, предполагаю причину происшедшего ЧП.

«Неужели и он знает о домовом?» — подумал капитан.

— О чём ты говоришь, Семечкин?

— Сегодня ночью в эфир были переданы сигналы неизвестного происхождения. Скорее взвезмные...

— А какие же? — Капитан совсем забыл о других цивилизациях.

— Инопланетяне ищут контакт! — произнёс Семечкин.

— Ещё и инопланетяне! Иди поспи, ты ведь тоже ночь не спал.

Радиста обидело такое несерьёзное отношение к его общению.

— Галилею тоже никто не верил, что Земля вертится!

— Я тебе верю, Семечкин, — устало сказал капитан. — Я сейчас всему верю. Потом разберёмся, а сейчас я спать хочу.

Обидевшись, Семечкин ушёл. Петрову действительно необходимо было поспать, но он не мог. Мысль о домовом не давала ему покоя. Он не мог поверить в его существование и в то же время не мог отвергать, поскольку полчасика назад сам лично с ним разговаривал.

Скрипучий голос сказал ему:

— Простите, товарищ капитан, за беспокойство, уж сейчас-то я буду сидеть в каюте тише мыши.

Капитан понимал, что обязан принять какое-то решение. Но какое? Возможно, в истории пароходства это первый случай. И произошёл он именно у капитана Петрова.

«Уж не гипноз ли это? — подумал он. — Тогда кто же гипнотизёр? Валентина Ивановна Капелькина?» — Капитан даже улыбнулся; у неё такие искренние синие глаза. К тому же гипноз — дело кропотливое, так вот — раз-два — не загипнотизируешь. Капитан встал. Значит, домовый всё-таки существует?

В каюту тихонько постучали.

— Кто там? Входите!

Дверь приоткрылась. На пороге робко появилась Зойка, из-за неё выглядывал Родька.

— Вот вас-то мне и надо! — обрадовался капитан.

Он усадил их на диван, сам сел напротив.

— Где ваш домовой?

— Здесь я! — раздался голос.

Капитану трудно было скрыть своё замешательство. Он покашлял.

Пружины дивана закрипели. Топало уселся рядом с Зойкой.

— Товарищ капитан, у нас есть предложение, — сказал Родька.

— Предлагайте!

— Возьмите меня на работу! — проскрипел Топало.

— На работу? — опешил капитан. — Но... у нас команда в полном составе.

— Он бесплатно, — сказала Зойка.

— На общественных началах, — пояснил Родька.

— Что же он будет делать?

— Погоду предсказывать!

— С погодой у нас вроде всё в порядке. Сводка имеется. Погода нас ждёт отличная.

— Ничего не отличная, — пробурчал Топало. — В четверг опять гроза будет. Посильнее, чем сегодня.

Капитан посмотрел в иллюминатор. Небо всё ещё было тёмное. Ещё изредка сверкали молнии, и гром погромыхивал, но уже неохотно, издалека.

— А как он знает? — спросил Петров. Ему было трудно обращаться лично к домовому.

— Знаю, — ответил домовой. — Ветер приносит...

— Что ж, если вы каждый день будете сообщать о погоде, — сказал капитан, — я буду благодарен.

Топало был доволен: капитан взял его на работу. Метеорологом! Сейчас никто не скажет: «От тебя на теплоходе одни неприятности!»

— Но у меня есть условие! — Капитан наклонился поближе к ребятам. — Наш разговор останется в тайне. Никто не должен знать, что на теплоходе едет домовый. Идёт?

Где сон, где явь?

Папа решил, что пора приниматься за дело. За окном моросит дождь, самое время сесть за статью «Человек — преобразователь природы». Во время отпуска тоже нужно трудиться.

Мама сидела, поджав под себя ноги, и читала журнал «Знание — сила». (Родька как раз в это время устраивал на работу Топало.)

— Всё-таки непонятная история с этим домовым, — сказал папа. — Может быть, он действительно существует?

Мама придерживалась более определённых взглядов.

— И Топало, и Думало придумала Зойка.

— Но зачем она убежала на окраину посёлка? Никакие родственники у них в Ключах не живут.

— У неё фантазия.

— А почему у тебя нет фантазии? — спросил папа.

— Ты ошибаешься. Я тоже убежала в девять лет. Искала в лесу мальчика с пальчик. Не нашла.

— А может быть, он был? — задумчиво произнёс папа. — Ты его не увидела. Возможно, мы видим только часть того, что существует, живёт, дышит, смотрит на нас.

— Возможно, — сказала мама без энтузиазма.

Папа достал из чемодана рукопись, разложил её на столе.

«Человек — преобразователь природы». Он подчеркнул заголовок жирной чертой. Потом ещё раз прочитал и ещё раз подчеркнул. Постучал ручкой по столу, глядя в окно. Хмурая погода на него действовала усыпляюще. Он начал клевать носом.

«Пять минут подремлю и примусь за работу», — решил папа и лёг на диван.

И опять ему приснился рыжий кот Филимон с рваным ухом. Заходит и говорит:

— Здравствуйте, философ Мельников! — Подает ему лапу и ложится на рукопись. — Мыши стали наглые! — потягиваясь, говорит Филимон. — Всю вашу бумагу могут съесть.

— Я пишу в трёх экземплярах.

— Все три съедят.

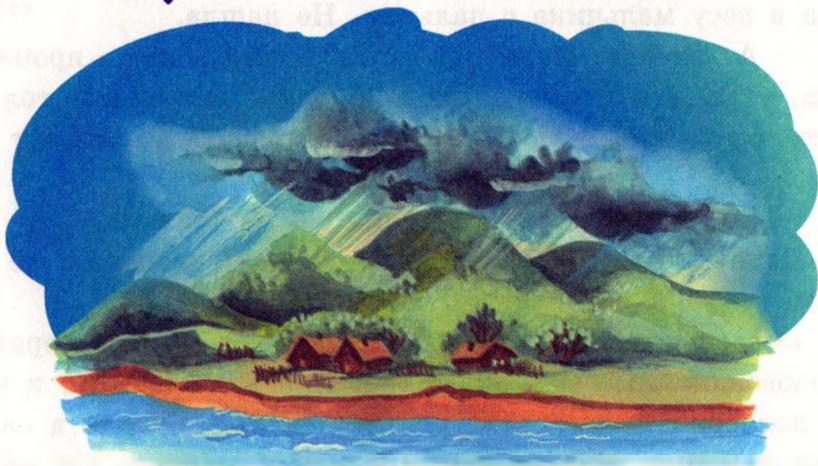
— Но у нас дома мышей нет.

Кот замурлыкал, вытягивая коготки.

— Уж и пошутить нельзя.

Папа проснулся. В каюте никого не было. И рукописи на столе не было. Видимо, мама убрала обратно в чемодан. А возможно, прибежали мыши и утащили.

Куда уплыли тучи?

Дождь прошёл. Тяжёлые волны, гулявшие по реке, успокоились, затихли. Выглянуло солнце, и река сразу ожила, заиграла бирюзовым, зелёным, жёлтым, словно что-то засветилось с глубины её.

Палуба мгновенно высохла, начала нагреваться.

Повеселевшие пассажиры выходили из своих кают.

— Вот и солнышко выглянуло! — говорили они, как будто непогода длилась целый месяц.

Зойка, прищурившись, глядела в небо.

— Даже ни одной тучки не осталось. Куда они все уплыли?

— На север, — сказал Родька. — Может быть, даже к океану.

— А дальше куда?

Топало тоже глядел в небо, бесконечное, бездонное. Что он там видел? Пустое пространство или скрытую от нас жизнь?

Где-то далеко-далеко Топало услышал тонкий звук полёта. Он выделил его из множества других звуков, наполнявших мир. Это летела стрекозка Майка, чтобы сообщить приятную весть: бабушка Дуся накосила для козы Маньки большой воз сена.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

Странно, очень странно	5
Странности продолжаются	11
Стрекоза из деревни Кутузы	15
Тайна Зойки Капелькиной	20
Топало и компания	24
«Живём, не тужим!»	28
До скорого свидания!	33
Кот сошёл с ума?	39
В «чёртово логово»!	44
Необычное знакомство	48
Кто больной?	52
Родькин сон	56
Невезучий капитан Петров	57
Туман, сплошной туман	59
Что за пристань — Ключи?	62
Дырявые тапочки	64
Будущие капитаны	67
Федулин подозревает	70
Настоящий друг	73
Летающие рыбы	78
Наука победит!	81
Мамин сон	85
Герой дня	86

Заговорщики	90
Галлюцинации	94
«Заяц» или поважнее	99
Топало в опасности	103
Сон Федулина	111
Соображать надо!	113
Семечкин принимает сигналы	116
Сон Коли Сопина	118
Корабль теряет управление	119
Непредвиденная стоянка	123
Таинственная встреча	127
Мама волнуется	130
Прощай, Думало!	132
Топало-метеоролог	135
Где сон, где явь?	138
Куда уплыли тучи?	140

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ирина Христолюбова
ТОПАЛО
Таинственный путешественник
Повесть-сказка

Художник
Н. П. Кацпаржак

Дизайн обложки
Е. Вялых

Вёрстка, корректура, печать — ОАО «ИПК «Звезда»

ISBN 978-5-88187-411-7

© И. П. Христолюбова, текст, 1996
© ОАО «ИПК «Звезда», оформление, 2011

Подписано в печать 24.06.2011. Формат 70×90¹/₁₆.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53.
Тираж 32 735 экз. Заказ № 817.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

От идеи до воплощения,
или
Бизнес-идеи ваши — печать наша!

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда» — одно из крупнейших полиграфических предприятий России.

Обладает всеми возможностями полиграфического процесса — издательского и печатного.

Оснащено современным оборудованием.

Направлениями работы предприятия являются:

★ **Газетное и журнальное производство.** Мы печатаем краевые и региональные газеты любого объема и красочности, а также полноцветные журналы, сшитые скрепкой и в термопереплете .

★ **Книжное производство.** Мы выпускаем высококачественные книги с любыми видами переплетов:

- в твердом переплете;
- в мягкой обложке (с одним или двумя клапанами, с шитьем и без шитья);
- скрепление на две скобы и на WIRE-O-спирали (открытая или закрытая, в мягкой обложке или в твердом переплете);
- в интегральном переплете.

★ **Все варианты отделки** (припрессовка пленки, УФ-лакирование, тиснение фольгой и блинтовое, высечка и пр.), книги с ляссе, в суперобложке или футляре, термирование.

★ **Листовая, бланочная продукция.**

★ **Представительская, рекламная полиграфия** (ежедневники, блокноты, календари).

★ **Допечатные работы всех видов.** При допечатной подготовке изданий используется технология СТР, позволяющая оперативно и качественно готовить файлы к печати без вывода пленок.

★ **Обеспечение заказа бумагой,** а также работа с сырьем заказчика.

★ **Логистика.**

**Будем рады видеть вас
в числе наших постоянных
клиентов!**

Наш адрес: 614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34,
тел. (342) 22-00-110, факс (342) 22-00-127.

Свои вопросы вы можете задать также по e-mail: ipk@star.raid.ru

Наш сайт: www.star.perm.ru

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Second block of faint, illegible text, appearing to be a continuation of the document's content.

Third block of faint, illegible text, showing further progression of the document's text.

Fourth block of faint, illegible text, continuing the narrative or information presented.

Fifth block of faint, illegible text, maintaining the flow of the document's content.

Sixth block of faint, illegible text, showing the middle section of the page's content.

Seventh block of faint, illegible text, continuing the document's text.

Eighth block of faint, illegible text, appearing towards the bottom of the page.

